

Геннадий Юдин

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2022

18+

Геннадий Юдин

Самая длинная ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67859139

SelfPub; 2022

Аннотация

Детективный триллер, написанный в атмосфере «нуар» с использованием декораций предновогодней Москвы, на которую, как всегда, внезапно обрушились осадки. Накануне нового года, в огромном городе начинаются жестокие убийства людей. Жертвами убийцы становятся самые незащищенные слои населения. За расследование берутся опытный следователь Всеволод Большаков и молодой оперуполномоченный Остап Сомов, по воле случая оказавшийся на месте преступления. Книга – не о концентрированном насилии и человеческой жестокости, скорее о порочности, недоверии, безразличии, правовом нигилизме и заплутавших в них людях.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

141

Геннадий Юдин

Самая длинная ночь

Девушка наконец сумела открыть глаза и очнуться. Каждая мысль отдавалась резкой головной болью, доводившей до тошноты. Она полулежала связанная на заднем сиденье машины. Молниеносно, к ней вернулась память. Ссора с человеком, который, как казалось, в сотый раз звонил ей на мобильный телефон, лежавший теперь на торпедо неизвестного автомобиля, чуть позже прогулка до метро, резкий удар по голове, а возможно и не один, боль, темнота. Как в том кино – поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс. Она с большим усилием осмотрела салон автомобиля и направила взгляд на водителя. Весь похититель был скрыт от девушки тьмой, лишь изредка мелькали его черты в свете ночных уличных фонарей, на долю секунду выхватывавших его своими радарам, но рассмотреть его она не могла. Девушка хотела облизать пересохшие губы, но едва попыталась это сделать, как заметила, что рот заткнут какой-то масляной тряпкой, зафиксированной обычной веревкой, обмотанной вокруг головы на уровне рта. Ужасно болел язык, а пересохшее горло сдавливалось спазмами боли.

Мужчина по всей видимости почувствовал или заметил в зеркало заднего вида, что девушка очнулась, съехал на обочину узкой едва проходимой дороги, достал что-то из-за па-

зухи, а затем обернулся к ней:

– Сука, если хоть пикнешь, я прирежу тебя прямо в машине, а так может быть и еще и поживешь, – в его руках блеснул обычный строительный нож с пластмассовой желтой ручкой.

Голос его был необычайно тверд, от него исходила невероятная властность и мощь, которые, словно мазутом, обволакивала черная, густая, почти осязаемая энергетика. По ощущениям он был безумен. Его голос звучал подобно железной лопате, царапающей бетон – металлический, холодный, отвратительный. Девушку неожиданно пробил липкий пот, а по телу побежали мурашки, казалось идущие из самой ее души. Она посмотрела на своего похитителя еще раз, но по ощущениям видела его впервые, хотя с тем же успехом могла сталкиваться с ним на собственной лестничной клетке каждый день.

Он тем временем улыбнулся и сделал ложное движение ножом в сторону ноги девушки. Та взвизгнула, и слезы сами хлынули из глаз, а тело затрясло мелкой дрожью. Мужчина утробно засмеялся, явно довольный собой. Он, как кот, поймавший мышь, играл со своей жертвой...

Атмосфера американской безысходности сороковых годов всегда нравилась Остапу. Он копался в жанре нуара¹,

¹ Нуár (фр. film noir «чёрный фильм») – кинематографический термин, применяемый к голливудским криминальным драмам 1940-х – 1950-х годов, в которых запечатлена атмосфера пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерная для американского общества во время Второй мировой войны и в

с того момента, как узнал его название. Парень, как губка, впитывал все: пересмотрел Хичкока и Кубрика, перечитал все американские тематические детективы и черные романы, которые сумел найти в своем маленьком городе. Да что там говорить, он даже приобщился к комиксам о Бэтмене, хотя этот жанр литературно-изобразительного искусства ненавидел в принципе. Было это все, правда, до его переезда в столицу, куда он перевелся из районного отделения уголовного розыска полиции своего родного города.

Перевод виделся Остапу тогда выходом из привычного круга, встряской, новыми ощущениями, эмоциями, драйвом от атмосферы большого города. Хотя, справедливости ради, для молодого опера дополнительной мотивацией были и «небольшие» трудности по предыдущему месту работы, в результате, которых он мог заехать в места, не столь отдаленные лет на восемь. В итоге, переезд, как и перевод на новое место службы состоялись, но, как оказалось, встряски и прочие выходы из круга, более подходят для лекций и тренингов по мотивации. На деле же, ни с чем кроме усталости, постоянного раздражения, угрюмости и злости смена места работы и жительства у Остапа не ассоциировалась. Дополнял же картину тот факт, что, по старой полицейской традиции, что-то, в какой-то момент, пошло не так, и устраивавшийся в Убойный отдел Управления Остап, неожиданно попал «на землю» в не самый благополучный, а вернее са-

мый неблагополучный район, этому Управлению подчиняющийся. Руководитель, который проводил собеседование с Остапом, за время пока последний проходил медицинскую комиссию, перевелся куда-то на Дальний Восток, а Остап, по личному ощущению, перевелся напрямиком в ад.

Вместо раскрытий убийств и раскладов по полочкам мас-совых разбоев, в которых он имел неплохой опыт, ему приходилось заниматься безуспешными поисками краденых телефонов и сумок, драками не говорящих по-русски иммигрантов и чуть более успешной ловлей наркоманов и их барыг. Кто-то скажет, что пьяные драки и не крупные хищения – в нормальных отделах прерогатива участковых, ха, в нормальных отделах – да. Отдел, в котором работал Остап, таким не был. Вновь назначенный руководитель Отдела полиции майор Алешин будучи всего на пять лет старше Остапа, боялся после назначения собственной тени, всячески старался угодить вышестоящему руководству, и в результате все сотрудники полиции одновременно занимались всем. Уже через полгода численность личного состава сократилась почти вдвое, и дело было вовсе не в уменьшении штатного расписания. Остапу бежать было в общем-то некуда, да и коллектив отделения уголовного розыска в местном филиале преисподней был, в принципе, хорошим. Нормальные люди, как оказалось, есть везде, и ад – не исключение.

Так о чем это он, ах, да, конечно, «нуар». Мысли о желании все это к чертям бросить и вернуться домой в сотый раз

за неделю посетили Остапа, пока тот, закутавшись в темное тканевое пальто и надвинув на лоб шляпу в стиле комиссара Мегрэ², мок под утренним ноябрьским дождем посреди чахлого сквера, расположенного между бетонными глыбами многоэтажек, и составлял протокол на месте преступления.

Утреннее небо было черным, как смоль и совесть преступности, на часах было около половины шестого утра. Участковый Павел Сафонов, который сюда привез Остапа на служебной «пятнашке», срочно поехал на другой конец района разнимать какую-то семейную драку с поножовщиной, и оперативник остался тотально один, вернее не совсем тотально, а с потерпевшим с замотанной кровавыми марлевыми бинтами головой. Последний, после оказания ему помощи, отказался от госпитализации и стоял, пошатываясь, посреди луж рядом с Остапом. Картина представляла собой некий гротескный сюр: промозглый дождь, кровавый человек, мрачный полицейский, не хватало только готической архитектуры и высокопарных диалогов, а то и впрямь бы вышла сцена из второсортных детективов или комиксов. Остап, проклиная и потерпевшего, и асфальт, и капли дождя стекающие с краев шляпы прямиком на тусклый протокол, злобно осматривал окружение и вносил на бумагу заметки, а дождь тем временем переqualificировался в самый настоящий ливень.

... «Объектом осмотра является участок местности, рас-

² Комиссар Жюль Мегрэ – герой популярной серии детективных романов и рассказов Жоржа Сименона, мудрый полицейский.

положенный между домов... по адресу... Окружение налево по кругу от точки осмотра... Возле урны обнаружены осколки прозрачного стекла предположительно бутылки со следами бурого цвета... На расстоянии тридцати метров по направлению... обнаружена сумка типа борсетка... цвета... со слов... принадлежащая ...из которой ... похищено ... а также телефон марки...»

Фонари, освещавшие сквер, стояли поодаль, и света категорически не хватало. В какой-то момент, устав щуриться и писать наугад, Остап рывкнул на потерпевшего:

–Эй, телефон, тьфу, то есть фонарик есть подсветить? – слюна ловким скачком метнулась на мокрый асфальт, вызвав ассоциацию с разбившимся летчиком.

–Так ведь украли же, на телефоне-то и был, – грустным голосом отозвался невысокий понурого вида мужчина. – Ох, что же теперь будет.

–Да ничего не будет, – буркнул Остап. – Будем искать твой чертов телефон.

Слово чертов далось ему с большим трудом, потому что хотелось сказать что-то схожее по смыслу, но несколько другое, более выразительное и родное.

– Возьми мой, посвети на протокол, – с этими словами Остап протянул потерпевшему телефон.

–Да плевать бы на этот телефон, в смысле не на ваш, – отозвался потерпевший, взял протянутый источник света и

направил на протокол, – я жене сказал, что в ночь работаю, а сам, эх!

–И где же ты был? – Остап нарочито подозрительно посмотрел на мужчину, подняв брови. Неизвестно, оценил ли в потемках потерпевший его ехидное и странным образом изображающее торжество справедливости выражение лица, но опустил глаза.

–Начальник, а может как-то решим без протокола, без материала, без этого всего? – голос потерпевшего ощутимо дрожал, и в нем угадывались нотки паники. – Она меня и так давно подозревает, она сразу все поймет, она меня на куски... убьет.

–Так может оно и к лучшему? – выразительно усмехнулся Остап, и мужчина затих.

Остап закончил с протоколом, убрал его в черную кожаную папку и глубоко затянулся сигаретой, не забыв дать вторую потерпевшему, и после долгой паузы чуть более мягко продолжил:

–Понимаешь, тебе дали, прости, по башке, бутылкой и забрали вещи, так?

–Так! Еще и паспорт!

–Вот, еще и паспорт... В итоге ты отключился, так?

–Ну так, – сказал потерпевший и поежился, как в панцирь, прячась в черный китайский пуховик. Из себя он представлял пухлого невысокого мужчину с понурыми плечами и изрядной плешью на голове, умоляюще смотревшего бесцвет-

ными мокрыми глазами из-под своей бинтовой повязки

– Так вот, дело в том, что женщина, которая тебя без сознания нашла, позвонила не в районную дежурную часть, а напрямую на Петровку тридцать восемь – и сообщение соответственно попало на контроль туда, это раз. Врачи, которых эта женщина вызвала также зафиксировали насильственный характер травмы, и следы о происшествии, соответственно, остались там, это два. Ну и укрывательство преступлений – это плохо, три, – Остап расплылся в плотоядной улыбке.

– Сука, – ругнулся мужчина.

– Все беды из-за баб, да, но знаешь ли, на тебе не написано, что ты в пять утра идешь от любовницы, кстати, тоже баба! И тебя лучше бросить истекать кровью, чем спасти, – невозмутимо парировал Остап

– А забрать заявл... – было заикнулся потерпевший, но едва услышавший любимую фразу всех обращающихся в полицию граждан Остап тут же парировал:

– Не верь фильмам и книжкам, забрать заявление нельзя, это киношный оборот, не имеющий отношения к реальной жизни. Хотя в высших эшелонах МВД и не такие приколы случаются, но мы – то с тобой, не высшие эшелоны, да, как тебя, кстати?

– Александр... Саша... – угрюмо буркнул в ответ потерпевший.

Более ни на улице, ни в машине, ни в дежурной части ни Остап, ни потерпевший не обмолвились ни словом.

Протокол, слякоть и ветер, как оказалось, были лишь вер-хушкой айсберга бед в это утро, еще около часа Остап пытал-ся найти понятых, и еще полчаса ждал пока дежурная часть соизволит прислать за ним и потерпевшим машину.

Еще через полчаса пара людей, пришедших в еще пустынь-ный районный отдел для подачи заявления, наблюдали инте-ресную картину, как вымокший насквозь Остап, согнувшись возле ниши для передачи документов у окна дежурной ча-сти, горланил проклятия в адрес оперативного дежурного, который их в эту же нишу хоть и менее успешно возвращал назад

Около восьми утра, уладив все макулатурные формаль-ности в виде ксерокопий для «дежурки», отработанных за сутки материалов и совещания-пересменки, Остап, наконец, прихватив по пути из коридора, грустного потерпевшего, по-пал в свой кабинет.

Кабинет находился на втором этаже двухэтажного здания ОВД, естественно возле туалета и напоминал толи бывшую коморку, толи сушилку, размером два с половиной на че-тыре метра. Обшарпанные, обшитые какой-то столетней фа-нерой, стены, на которых красовались репродукции плакат-ов американского кино шестидесятых, одно пыльное окно в дальнем от двери конце кабинета, гудящая люминесцент-ная белая лампа в самом верху, покрытая трещинами штука-турка потолка, стол с неплохим компьютером, советской на-стоятельной лампой-грибком и принтером, три стула, тумбочка

с чайником, кружками и печеньем с покошенным шкафом напротив, вешалка у двери. Возле стола, стоявшего в центре кабинета, но прислоненного к одной из стен, по правую руку была «пришпандорена» карта Москвы, но вешать на нее пометки и стикеры, расставлять шашечки по местам преступлений, как в старом кино, особой нужды не было, поскольку преступления, если они раскрывались были одноклеточным и малоинтересным с оперативной точки зрения мусором. «Украл-выпил-в тюрьму», «подрался-проснулся-в тюрьму», «продал-попался-в тюрьму», чуть реже «не дала-трахнул-в тюрьму». Безусловно в работе встречались вариации, но в целом – калейдоскоп был до уныния простым и рутинным. Позади стола и простого деревянного стула, прислоненным к стене стоял металлический насыпной советский сейф, на котором красовалась несколько магнитиков, подаренных возвращавшимся из теплых и не очень мест сотрудниками отдела. В основном, такие маленькие подарки делали девушки отделения – Ольга и Марина, впрочем, даже заместитель начальника розыска Антон, как-то вернувшийся из Таиланда, с каменным ничего не выражающим лицом вручил Остапу магнит, изображающий довольного негра с высоко вздыбившейся на причинном месте банановой кожурой. Остап не знал от души они это делают, поиздеваться или для галочки, но очень дорожил такими знаками внимания, ибо факт того, что у Остапа здесь никого не было, оставался фактом. Несмотря на всю свою самодостаточность, он до кома в гор-

ле чувствовал себя одиноким и чужим в этом городе.

В самом начале своей карьеры в Москве, Остап в эйфории от переезда начал встречаться с представителем экспертно-криминалистического центра, и все было не плохо (секс, домашняя еда, секс), до того момента, как Олеся не стала требовать к себе больше внимания, ревновать Остапа к девушкам на работе, а потом и вовсе откровенно насиловать ему мозги посредством мессенджеров и социальных сетей. Остап, будучи оперативником оперативно ретировался, и в тот момент решил, что отношения на работе – это зло, кроме того, проституток и онанизм никто не отменял.

В самом же сейфе находились засекреченные дела оперативного учета: десять дел агентов, да несколько подборок оперативных материалов. Семь из десяти папок «стукачей», достались Остапу по «наследству» от уже покинувших службу товарищей, и о их судьбах он ничего не знал хоть и писал ежемесячно справки о встречах, и о том, о каких преступлениях они слышали. Трое агентов, которых «вшивал в корки» сам Остап, тоже никакой информацией не обладали, двое из них вообще на сегодняшний день сидели в тюрьме и согласились быть «источниками оперативной информации» будучи уже пойманными лишь за тысячу рублей и блок сигарет, при условии, что о них никто не узнает. Иными словами, Остап завел эти агентурные дела, потому что того требовала отчетность. Объяснялось такое отношение к своим

«барабанам³» очень просто – ни один нормальный опер своего настоящего агента на бумаге светить не будет, так Остапа учили на заре оперативной молодости, а учителя у него были хорошие. Также в сейфе находилось несколько подборок оперативных материалов, но учитывая, тот факт, что Остап работал на земле – раскрытия с него спрашивали за другое, и информация этих бумаг, была скорее мертва, нежели жива.

По приходу в кабинет, Остап ловким почти голливудским движением скинул и повесил пальто на вешалку, туда же отправилась, промокшая, но сохранившая форму и честь шляпа. Остап предложил присесть потерпевшему, после чего машинально нажал кнопку включения на чайнике. Следующие полчаса своей жизни Остап занимался копированием имеющихся у потерпевшего документов и сбором объяснения.

«Фамилия: Познанский Имя: Александр Отчество: Алексеевич... число, месяц... 02.11.1973, ... рождения Москва, женат... место работы- охранник ЧОП «Беркут и Ко»... Разъясняю Вам право, предусмотренное статьей 51 Конституции РФ... *Подпись* На учетах в наркологических и психоневрологических диспансерах не состою, показанию даю добровольно, давления на меня не оказывается...»

В результате получасовой беседы Остап в деталях понял, что случилось утром. Александр Алексеевич, будучи чело-

³ Барабан – в жаргоне Уголовного розыска, – осведомитель, стукач.

веком боязливым и мягким, находился «под каблуком» своей жены, работавшей завучем в школе. Кровиночка до кучи больше зарабатывала, в результате чего, пресс усиливался пропорционально количеству принесенных к семейному очагу монет. Находясь все время в подавленном состоянии, Александр искал утешение в бутылке, а во время одной из одиноких посиделок в баре, неожиданно для себя помимо радости от возлияния алкоголя, встретил Светлану, которая не имея детей, вдобавок пару лет, как овдовела и была не прочь новым знакомствам, в результате чего – из искры возникло пламя. Горе-любовник стал подозрительно часто задерживаться и брать дополнительные смены на работе, но вместо крытого рынка в Новой Москве, периодически охранял квартиру и диван своей пассии на Востоке Старой, при том, что жил в районе Киевского шоссе опять же Новой. В злополучный день, который совпал с дежурством Остапа, Александр и Светлана впервые поссорились, и последняя выставила его из квартиры. Идти любовнику было особо некуда. Для жены он нес службу на рынке, друзей, готовых пустить его в пять утра в свои дома не было, а до коморки на работе было около двух часов на общественном транспорте. Пораскинув мозгами, охранник откупорил предварительно взятую из холодильника любовницы бутылку шампанского и решил, попивая ее для согрева, подождать в сквере пару часов, после чего отправиться поближе к дому. Александр Алексеевич не стал покидать район, поскольку в глубине ду-

ши надеялся, что любовница сменит гнев на милость и позовет его к своему теплому дивану и телу, но обида в сердце женщины, видимо, была сильнее чувств и страсти. В скверике, где будущий потерпевший дислоцировался, его и нашла местная гопота, в результате чего, тот и лишился десяти тысяч рублей, мобильного телефона, товарного вида, а до кучи паспорта. Пробитая голова, рваный пуховик и кровоподтек под глазом были тому наглядным подтверждением.

Сидящие друг напротив друга мужчины прибывали в разном настроении. Александр Алексеевич с видом ведомого к эшафоту преступника сидел, уставившись в одну точку, и уже около десяти минут мешал ложкой растворимый кофе. Не спавший всю ночь Остап, давясь от смеха, добивал на компьютере объяснение.

–Ну ты даешь, Саня. Саня! А ты еще – ого-го! Казанова! – Остап подмигнул потерпевшему, но тот лишь вздохнул. – Я, когда тебя увидел, подумал, ну терпила – терпилой, а сейчас выходит наоборот. У меня бабы три недели не было, три!!! – он выразительно поднял вверх три пальца на руке, – а ты, вон, и побухать успеваешь, и две женщины у тебя, еще бы драться умел, и вообще цены бы тебе не было.

Александр сдавленно вздохнул, из его организма, видимо, окончательно вышли алкоголь и адреналин, и теперь он, прикидывая что его ждет дома, бесформенной кучей растекся по стулу. Остап продолжил:

–Ладно, Саня, как мы тебя спасать будем, есть мысли?

–Спасать? – влажные глаза потерпевшего, как в спасательный круг вцепились в Остапа. потерпевший заелозил по креслу.

–Так. Работа твоя далеко, район совсем не мой... В то, что на тебя на работе напали, никто не поверит, кому нужен охранник овощной базы... – Остап вздохнул, – то что я тебя сюда свидетелем вызвал, тоже вряд ли. Сказки венского леса, мля. Вот, если бы, у тебя башка была не разбитая, я бы сказал... Стоп. Есть мысль – Остап понимал, что возможно, он об этом пожалеет, но мужская солидарность – вещь удивительная.

В результате мозгового штурма, Остапом было составлено еще одно объяснение из которого исходило, что находившегося на работе Александра Алексеевича, по ошибке задержали оперативники, занимающиеся разработкой мошенников на территории овощной базы. Задержание проходило жестко, ввиду опасности предполагаемых преступников и того, что Александр оказал сопротивление. Телефон и денежные средства были изъяты у последнего с целью отметить возможную причастность и в ближайшее время будут возвращены. Также Александру Алексеевичу была выдано объяснительное письмо для работы, чтобы ему не поставили прогул. В написании своей фамилии и должности Остап разумеется допустил несколько ошибок, да и подпись на объяснении для жены была далекой от его личного автографа. Самым недостоверным в данном объяснения виделась лишь

сама возможность оказания Александром Алексеевичем сопротивления.

– Ну, короче, материал по нападению будет передан в следствие, никуда не денется, тебя вызовут, еще пару раз, один хрен, эти бумажки (Остап указал на левое объяснение) после того, как жене покажешь сожрешь, с деньгами и мобильником решай, занимай, восстанавливай, хоть воруй, но не на моей земле.

– Остап Евгеньевич, спасибо вам, спасибо вам огромное. – Александр Алексеевич почти задыхался, подвывал и выглядел, как человек, который вот-вот должен был отправиться на встречу в клетку к медведям, но ему в последний момент предложили альтернативу в виде тушканчиков.

– Все давай, не дай Бог подведешь.

В выходящего из двери Александра Алексеевича врезалась оперативница Марина, болезненно бледная, с красными ноздрями и глазами и пистолетом Макарова, угрюмо висящем в кобуре на поясе. Александр Алексеевич отшатнулся и несколько секунд испуганно взирал на маленькую хрупкую девушку, которая его к слову, чуть не обрушила на пол, и затем вышел, закрыв за собой дверь. Марина сначала взглянула в сторону закрывшейся двери, а затем жалостливо посмотрела на Остапа своими темными, умными, и глубокими, как чертов омут, глазами и он, кажется, начинал понимать, что сейчас будет:

– Остап, – проговорила Марина, голос звучал тихо и

неестественно, как будто бы с ним говорила тетенька из программы «Magic Goodey» в одной из самых старых редакций. – выезд, там труп в гараже, а у меня...

–Марина, а ничего, что я после суток, за которые, даже не присел, не говоря уже о сне? – выпалил Остап

–Там не просто труп, там поджог был, ну, мне просто отчет еще делать квартальный, остальных даже просить некого, все где-то, – голос Марины продолжал звучать монотонно и болезненно, – а у меня еще температура тридцать восемь, а сутки только два часа назад начались.

–Марина, нет...

–Этот труп, он... криминальный, очень криминальный!

–В смысле очень?

–Чикаго, да там полный пипец... – как участковый сказал, который на место первый приехал. Сатанизм, не сатанизм, я просто...

Нет, ни возбуждение, ни адреналин не придали сил оперативнику, ему просто стало жаль эту девушку, да и встряска бы ему сейчас не повредила. Всё – не очередная кража сумки, а что-то поинтереснее. На этом фоне усталость чуть отступила, и он тихо прошипел:

–Ладно, Марина, но с тебя причитается, хм, сатанизм, говоришь? – шляпа залетела на голову, пальто обняло накаченные плечи, а папка с мурлыканьем ласковой кошки устроилась под мышкой. Поднятая за плечи Марина была поставлена за дверью кабинета, дверь закрылась на ключ. Остап по-

шел вниз по лестнице и вскоре понял, что фактически бежит. Уставная кобура с пистолетом, как будто подстегивала, и как страстная любовница во время секса, хлопала его по бедру. Он двигался к патрульной машине, понимая, что скорее всего делает это зря.

Несколькими часами ранее...

Его времяпровождение можно было бы назвать праздным, если бы не цели, которые он перед собой ставил. Он заметил ее около двадцати минут назад, когда та выходила из металлической калитки ограды церкви, и жгучее, пряное, и в то же время такое скользкое желание уже успело его охватить. Он во все зубы улыбнулся в воротник и продолжил неспешное преследование. Сгорбившаяся от холода, кутающаяся в розовую китайскую куртку, невысокого роста женщина, чуть пошатываясь, семенила в тридцати метрах впереди со спортивной сумкой наперевес. На ее голове красовалась вязаная черная шапка со стразами. «Ни вкуса, ни фантазии», – подумал про себя преследователь.

Он, почти слившийся с окружением, методично двигался следом за выбранным объектом. Вот свежее выкрашенная ограда детского сада, вот здание старой котельной, пустырь, усеянный мусором. Он ждал, что женщина свернет в сторону жилого массива, но та обогнула многоквартирный дом и направилась к мрачному гаражному кооперативу, расположенному неподалеку. Черт в какой-то момент подумал, что

она ведет его в ловушку, но прогнал эти мысли прочь. Женщина, видимо, почувствовала на себе взгляд преследователя и обернулась, но он слился со стволом чахлого дерева, и она, успокоившись зашагала дальше.

Черт в последний раз огляделся по сторонам перед прыжком и достал из внутреннего кармана куртки желтый строительный нож с пластиковой ручкой. Он обожал эту неброскую принадлежность, в ней таилась огромная сила, но внешний вид ошибочно усыплял бдительность. За ручкой из дешевой желтой китайской пластмассы скрывался восхитительный зуб смерти, его указательный палец. Людей на пустыре, вдоль которого они приближались к ограде гаражного кооператива, в такое время не могло быть по определению. Женщина, чуть пошатываясь, наклонилась и скользнула под шлагбаумом, ведущим в гаражный кооператив. Он, спрятавшись под бархатным одеялом тьмы спящего города, прижавшись к будке охраны на секунду затих. Из будки никто не вышел, лишь мерная болтовня телевизора из открытой форточки окна нарушала гротескную тишину ночи.

Он отпустил женщину на три десятка метров и, прижавшись к будке, чтобы не быть замеченным, также скользнул в гаражный кооператив. Все просто, он – лев и хищник, а она плотоядная жертва, если угодно – обезьяна, и им обоим глупо ставить этот факт в вину. «Что же ты, черт возьми, забыла в такое время на улице, сука?» – спросил он мысленно. «Хотя с другой стороны, чтобы я делал, если бы тебя здесь не бы-

ло, каламбур получается». Неожиданно для него из черных небес пошел тягучий, промозглый дождь, казалось, обволакивающий все вокруг. Он на секунду поднял лицо к каплям, приняв влагу, за какой-то сюрреальный символизм. Как будто сама природа пустила слезу умиления, наблюдая за ним и его желанием. Он хихикнул, вернувшись в далеко детство и почувствовав себя маленьким шкодящим мальчиком, следящим за раздевающимися сестрами, и стал ускорять шаг, чтобы догнать женщину. Та, ничего не подозревая, свернула в металлическое чрево гаражей, он двинулся следом.

В какой-то момент хищник потерял ее в покровах не проснувшейся урбанистической природы, но вскоре увидел стоящей возле одной из дверей и пытающейся в потемках вставить ключ во врезной замок одного из гаражей. Он приблизился на расстояние пяти метров, и только тогда женщина заметила его хищную маскировку. Она развернулась к нему лицом, и непонимающе уставилась, не предпринимая никаких действий. Женщина, подобно загнанной в угол мыши, замерла на месте, в то время как он, с каждым шагом отсчитывал последние секунды ее жизни. Он поравнялся с ней, и движением правой руки дернул ту за рукав куртки. Лишь в этот момент она попыталась закричать, но было уже поздно. Его левая рука, в которой был зажат строительный нож с выставленным из ножен лезвием, одним движением на несколько сантиметров вонзилось несчастной в горло и продолжило смертоносное движение в сторону, подобно волно-

резу, рассекающему волны ее кожи. Вместо крика у женщины получился какой-то сдавленный непонятный хрип, она начала оседать возле двери гаража, заливая грунт и свою одежду черной во мраке ночи кровью.

Черт сгреб умирающую женщину в охапку, и дернул ее вниз. Та со странным хлопанием упала на мокрую землю, инстинктивно притянув свои маленькие руки к огромной зияющей черной ране на шее. Она задергалась в конвульсиях, в последней отчаянной попытке сохранить жизнь, но вскоре затихла. Хищник спокойно подобрал упавшие на землю ключи, и без труда открыл навесной замок двери гаража. Он схватил бездыханное тело за запястья и одним движением втащил тело внутрь. Ее сумка так и осталась кляксой лежать на земле, словно бесформенный надгробный памятник для жертвы.

В гараже было тепло, над потолком тусклым светлячком горела лампочка, а у противоположной стены тлела небольшая печка-буржуйка. Страх и похоть одолевали хищника, он прикрыл за собой дверь, склонился над лежащим на спине трупом, после чего начал кромсать ножом на умершей одежде. Даже с расстояния полуметра, он чувствовал запах алкоголя, исходящий от губ женщины. «Дешевая шлюха, потаскуха, тварь», – шептал Хищник, продолжая раздевать объект своего вожделения. Вскоре труп был почти полностью обнажен, а вот нашейный крестик Хищник снимать и срывать не стал. «Пусть тебе будет стыдно, сука!». Он, чтобы не

испачкаться кровью, положил на горло женщины найденную неподалеку тряпку, после чего опустился на колени и стал покрывать тело женщины поцелуями. От возбуждения его трясло и сдерживаться стоило огромных усилий. Хищник гладил ее еще не успевшее остыть тело руками в тот момент, пока серые глаза безжизненно смотрели куда-то сквозь него, как будто заметив кого-то наблюдающего за процессом их связи, отчего хищник возбуждался еще больше. В какой-то момент он остановился и извлек из кармана зимней куртки зажигалку, после чего поджег убитой волосы. Белую кожу на груди жертвы и ее соски покрывали странные гротескные кровавые подтеки, запах паленых волос пьянил его не хуже любого алкоголя, он снова и снова поджигал пряди на голове женщины и наконец, едва коснувшись через ткань джинсов своего члена рукой, кончил и затих. Он в полубессознательном от удовольствия состоянии так и лежал на трупе, и лишь через продолжительное время с трудом поднялся. Ноги не слушались, руки тряслись, он взял в руки оторванный от куртки жертвы рукав и поднес к ним зажженную металлическую ZIPPO. Синтетика и утеплитель почти моментально воспламенились, и он, опуская подоженную одежду на тело жертвы, вновь почувствовал, как от сладкого запаха начинает кружиться голова и растет возбуждение. Утро играло новыми красками, но в какой-то момент он вдруг услышал шаги, доносившиеся на улице. Черт в панике вскочил...

Следователь следственного комитета Артем Рогов заступил на дежурные сутки всего час назад. Накануне вечером он слегка перебрал с алкоголем из-за чего поссорился с женой, с утра получил взбучку от руководства за опоздание, а к вечеру уголовное дело, находившееся у него в производстве, должно было магическим образом попасть в Прокуратуру для проверки. Однако, само оно туда прилететь не могло, а Артем, вместо того, чтобы добивать обвинительное заключение и опись последнего тома, сидел в непонятном гаражном кооперативе и наблюдал ужасное, отвратительное по своей сути место преступления, от которого волосы на голове и других местах тела вставали дыбом. Артем по традиции пригласили на место происшествия последним, в гаражном кооперативе к тому моменту уже находилась полицейская следственно-оперативная группа в составе молоденькой милостивой девушки-следователя, мрачного худощавого темноглазого опера в дурацкой шляпе в духе детектива Мегрэ и в плаще, а также девушки-эксперта в форме, похожей и на форму пожарного, и на строительную манишку таджика-гастарбайтера одновременно. Также на месте находился упитанный выше среднего участковый, оцепление из двух сотрудников патрульно-постовой службы и руководство МВД. Повсюду серыми тенями сновали непонятного вида зеваки, видимо, владельцы окрестных гаражей.

Артем поручил полицейскому следователю составление протокола осмотра места происшествия. Девушка проявила

явное неудовольствие (что было неудивительно, преступление, очевидно, не относилось к полицейской подследственности⁴), но в открытую конфронтацию с более опытным и наделенным большими полномочиями Роговым вступать не стала. Сам же Артем, дав пару поручений в стиле «ну ты и сам все знаешь...» оперу, уселся в машину и с удовлетворением открыл термос с кофе, попутно наблюдая в открытые ворота гаража, как миловидная, хоть и чуть полноватая блондинка-эксперт в непонятной бесформенной одежде пытается изъять биологический материал с частично обгоревшего трупа и окружения.

В гараже и возле него, несмотря на морозящий дождь, стоял сладковато-пряный запах, от которого у Остапа закружилась голова. Такого оперативник не видел никогда, несмотря на то, что повидал он за карьеру в полиции, ой как не мало. Чтобы не смотреть на эту концентрированную жесть, он решил приступить к работе и, получив пару невнятных указаний от следователя следственного комитета, отправился в будку охраны гаражного кооператива. Внутри стоял застоявшийся запах перегара и пота, а полупьяный немолодой охранник ничего особо пояснить не мог. Спал, ничего не слышал, ничего не видел, ни шума, ни борьбы. В семь утра

⁴ Подследственность в уголовном судопроизводстве РФ – это совокупность признаков преступления, которая обуславливает расследование его соответствующим органом предварительного следствия или дознания.

проснулся, вышел, почувствовал запах гари во время обхода, заметил открытые ворота, увидел труп, вызвал пожарных. Работал охранник вахтой в пятнадцать суток и получал символическую по меркам, разумеется Москвы, прибавку, в виде пятнадцати тысяч рублей к пенсии. Никаких регламентов по охране у него не было, соответственно, и взятки с него были гладки. Однако, несмотря на ожидаемые «ничего не видел и ничего не знаю», кое-какую информацию Остап для себя подцепил.

«...показания даю добровольно, давление на меня не оказывается, об ответственности по статье триста шесть Уголовного кодекса Российской Федерации предупрежден...»

По старой традиции Остап сразу достал протокол допроса. Он понимал, что дело еще не возбуждено, но отдавал себе отчет, что без его возбуждения не обойдется, соответственно сбор объяснения, не имеющего процессуальной силы – пустая трата времени, а вот допрос был бы уже чем-то. Даже если следователя не устроит его качество, протоколы следственных действий на первоначальном этапе расследования едва ли не самое важное в работе и нужны хотя бы на селекторах для отчета перед руководством.

«..имени погибшей, я назвать не могу, однако, знаю, что она была бездомной, ее приютил хозяин гаража Вернер Ан-

дрей Михайлович «из жалости» около полугода назад и разрешил жить в гараже.. Вернер является владельцем гаража за номером... охарактеризовать его никак не могу, общался с ним всего один раз... Знаю его мобильный телефон, поскольку обладаю списком телефонов всех владельцев гаражей... Камеры на территории гаражного кооператива на запись не работают, а в монитор я ничего подозрительного не видел...»

«А когда они работали, когда было нужно?», – грустно подумал про себя Остап.

«... про врагов и неприязненные отношения погибшей ничего не знаю, относительно рода ее занятий пояснить ничего не могу...»

Остап от руки дописал протокол допроса и отправился дальше. Он пробовал позвонить Вернеру с целью получения комментария по факту убийства женщины в его гараже, но по набираемому номеру никто не отвечал. Остап, поймав одного из зевак-хозяев соседних гаражей, узнал второй номер Вернера, но и по звонку туда, он слышал лишь металлический голос женщины, о том, что абонент находится вне зоны действия сети.

Затем Остап вызвал на место происшествия директора гаражного кооператива для формального допроса по факту со-

вершенного преступления. Тот, к слову, приехал довольно быстро и без каких-либо проблем согласился на дачу показаний, правда никакой информацией он не обладал вообще и лишь рассеянно пожимал плечами, отвечая на большинство вопросов.

Проведя необходимые мероприятия, связанные с прозвонком местности, для последующего запроса биллинга⁵, Остап прошел весь предполагаемый маршрут жертвы, но у жилого массива, расположенного через пустырь от гаражного кооператива следы женщины в голове оперативника терялись. Она могла идти и от жилых домов, и от метро, до которого было минут двадцать пешком, да хоть из паркового массива, расположенного неподалеку. Найти в масштабах гигантского всепожирающего города следы маленького человека крайне трудно. Далее, Остап пешком вернулся на место происшествия и, не желая сдаваться, прошел ко входу в гараж. Его бывшая пассия, а по совместительству эксперт-криминалист Олеся отрешенно копошилась в гараже. Помимо нее там также находилась молодая, устроившаяся работать лишь в сентябре после института, следователь Алина, и с отсутствующим видом писала протокол. Ему искренне было жаль девчонок, те взвалили на себя огромную ношу, и картина, которая предстала перед ними сегодня, бесследно для пси-

⁵ Биллинг в электросвязи – комплекс процессов и решений на предприятиях связи, ответственных за сбор информации об использовании телекоммуникационных услуг...

хики и мироощущения пройти не могла, Он, зная, на сколько ревностно эксперты реагируют на нарушение обстановки преступления, и насколько раздражительно Олеся реагирует на него после расставания, как вкопанный встал у дверей. Его глаза уперлись в старую грязную спортивную сумку с бурыми подтеками на ней, лежащую возле гаража.

– Это жертвы сумка? – обращаясь в воздух спросил Остап, и не дожидаясь ответа, добавил, – можно глянуть?

– Я сфотографирую, ни отпечатки рук, ни микрочастицы, ни трасологию там не снимешь, дождь был – не отрываясь от работы сообщила Олеся, – так что, как Алинка скажет...

– А я-то чего? – вон у этого упыря, который в машине кофе пьет, спрашивай, – отозвалась девушка раздраженно.

Остап хотел было подойти к комитетскому следователю, но тот принимать участие в процессе работы не спешил, и оперативник решил на его главенство попросту забыть.

– Алин, изыми ее в ходе осмотра, чтоб по бумаге билось (девушка кивнула), а я посмотрю.

Он прошел до рабочего чемодана Олеси, откуда взял резиновые перчатки. Какие-то два месяца назад Остап с Олесей уже имели опыт в использовании резиновых изделий, но происходило это в куда более интимной обстановке, да и одевались они вовсе не на руки. Остап отогнал от себя эти неуместные на месте преступления мысли, после чего вернулся к сумке и открыл ее молнию. Из нее на него буквально вылился запах стирального порошка. Внутри была свалена

груда ношенных, но свежевыстиранных вещей, на половину пустая бутылка водки («Да у меня и водка наполовину пустая, а не наполовину полная», – грустно про себя усмехнулся Остап), газетный сверток с куском сала, пустой кошелек. Там же в боковом кармане находился сложенный вчетверо файл с листком бумаги, которым оказалась Справка об освобождении Япуряну Анны Александровны, выданная полгода назад в одной из тюрем Мордовии. Документ гласил, что женщина отбыла срок за грабеж с применением насилия не опасного для жизни человека – два года из трех, и вышла условно-досрочно полгода назад, в месте проживания значился город Москва, иная информация отсутствовала. Паспорта также не было.

– Олесь, сними отпечатки с бутылки, может просто какие-то пьяные разборки, так-то не поймешь же, что на уме у этих бомжей.

– Я разберусь без сопливых, Сомов, что и как мне изымать!

Остап покачал головой и еще раз взглянул на файл со справкой, – наша девочка Япуряну Анна Александровна, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженка города Кишинева, гражданка Российской Федерации.

Остап почувствовал, что шок от увиденного в гараже отступает, и к нему возвращается былой цинизм, бесстрашие и излишняя самоуверенность. О всех своих достоинствах и недостатках он прекрасно знал, но поделаться с ними ничего

не мог.

Он достал мобильный телефон и набрал в дежурную часть, предыдущий оперативный дежурный еще тоже не смеялся

– О, Яковлев – собственной персоной, – ехидно удивился Остап, – сделай срочно распечатку из ИБД на одну покинувшую бранный мир тетушку.

– Знаешь, что Остап? – спросил в привычной бубнящей манере дежурный.

– Что?

– А не пойти ли тебе в жопу после наших утренних разговоров? Мне тебя на дежурстве вот-так-вот хватило. Дай смену сдать!

Остап отчетливо понял, что дежурный находится на взводе, и крутил он оперативника на одном веселом месте, но продолжил:

–Что-то ты долго... Если не поможешь, я тебе еще сегодня и приснюсь.

–Да все с ума посходили...

–Кость, мне очень надо, убийство...

–Так пусть Управление занимается, ты-то чего? кражи кошельков раскрывай! Ну ладно диктуй данные, – последняя фраза была сказана оперативным дежурным особенно ворчливо и в то же время назидательно.

– Япуряну Анна Александровна, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженка города Кишинева. Это,

Кость, а можешь сфоткать и мне в ватс-апп выслать...

– С чего бы мне это делать? Как еще раз фамилия?

– Да ладно тебе, с меня пузырь! Я-П-У-Р-Я-Н-У!

– Ну это меняет дело.

– Кстати, чтоб мне сейчас не начали трезвонить твои сменщики, прими информацию по преступлению...

– Не вопрос... Диктуй.

Через пять минут у дежурного была полная сводка о событиях сегодняшнего преступления, а у Остапа появились данные относительно личности убитой, и долг в виде «пузыря». Реально отдавать за оказанную услугу бутылку Остап, конечно, не собирался, но каждый раз удивлялся мистической силе этой фразы в органах полиции.

Всеволод Иванович Большаков всю свою жизнь посвятил работе в органах следствия. Он пережил все реформирования следственного комитета и его входы и выходы в Прокуратуру и обратно. Будучи, старшим следователем по особо важным делам Управления Следственного Комитета по городу Москве, Всеволод Иванович уже десяток лет слушал истории о выделении всех органов следствия в отдельное ведомство по аналогии со штатовским ФБР.

Он десятки раз мог двигаться выше, но проблема заключалась в том, что Всеволод Иванович ненавидел всякую управленческую шелуху, он любил расследовать, а вот работа на руководящих должностях его не на шутку утомляла.

Большая часть его сослуживцев, которая не ушла еще на пенсию или в загробный мир занимала крупные посты в структурах Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Следственного Комитета, Прокуратуры и им подобным. Кроме того, за годы безупречной службы в структуре Следственного комитета, Всеволод Иванович заработал великолепную репутацию среди коллег, а также до определенной степени получил обособленность в расследовании уголовных дел. Иными словами, он сам выбирал что и в какой форме ему делать, не испытывал проблем с продлением сроков следствия по делам, не имел особых ограничений (естественно в рамках реальных возможностей) в ресурсах и был вхож во многие крупные кабинеты, как Московского Управления Следственного комитета, так и на уровне Департаментов МВД и Центральных Аппаратов СК и Прокуратуры.

Всеволод Иванович, имея ряд льгот и поблажек в Управлении, несмотря ни на что, честно заступал дежурным следователем по Московскому Управлению и делал это лишь из чувства справедливости по отношению к коллегам. Он, как и любой следователь, ненавидел «сутки», но выделять себя не хотел.

Слабостью Всеволода Ивановича, а одновременно и его коньком, было расследование уголовных дел, главными фигурантами которых были всевозможные насильники, маньяки и убийцы: раковая опухоль на теле российского общества.

Многие из его подследственных были психически больны, но несмотря на это, жалость у опытного следователя не вызывали.

Он поступил на службу в середине восьмидесятых в возрасте двадцати двух лет, и за это время привлек к уголовной ответственности ни один десяток, а то и сотню людей и нелюдей. Многие из его протеже, до введения в силу моратория на смертную казнь, закончили жизнь «стенкой⁶», другие по сей день гнили в камерах, мотая пожизненные сроки в тюрьмах. К талантам Всеволода Ивановича также можно было отнести умение раскрыть преступление следственным путем: он раскачивал людей на допросах, колол, как орехи, злодеев посредством следственных экспериментов, проводил умнейшие с психологической точки зрения очные ставки, за счет мельчайших познаний в психике и поведении маньяков в ходе негласных бесед выбивал из тех показания. Кроме того, его аналитические способности порой тоже творили чудеса. Он неделями мог копаться в архивах и картотеках, ища иголку в стоге сена. Результат порой превосходил все ожидания и находился даже «прыщик на теле у слона⁷». Для многих молодых сотрудников работа в оперативно-следственной группе под руководством Большакова – сама по себе была показателем не хуже пяти высших образований в резюме.

⁶ Стенка – здесь расстрел.

⁷ Найду я даже прыщик на теле у слона – строчка из песни гениального сыщика из мультфильма «Бременские музыканты»

В списках трофеев Всеволода Ивановича числились, как серийные изощренные маньяки, психопаты и душегубы, так и рядовые насильники, и педофилы из числа неблагополучных слоев общества и иммигрантов. Сам следователь этих людей никак не классифицировал, и брался за любое уголовное дело, отработывая его, со всей присущей ему дотошностью и отдачей.

В этот дождливый день на мобильный телефон Всеволода Ивановича поступил звонок о том, что в одном из гаражных кооперативов на востоке Москвы совершено убийство, и вот, он уже был здесь, преодолев путь от Арбата до места преступления. Никто из работавших на здесь людей не обратил на него внимания, лишь сотрудники патрульно-постовой службы при виде пожилого интеллигентного вида мужчины насторожились, но ровно до того момента, как он, потихоньку не показал им свое удостоверение и почти шепотом, дабы не привлекать внимания, не высказал им слова благодарности за бдительность.

Работа Всеволода Ивановича на месте происшествия всегда начиналась с негласного осмотра, но не трупа, а живых людей, находящихся там. Как он выяснил многолетней практикой, убийца часто расценивает свои деяния, как некую талантливую картину, любит оценить свой «шедевр» еще раз, и затерявшись среди зевак, наблюдает за работой над своим «холстом» следователей и экспертов. Всеволод Иванович из-под своих дорогих очков в тонкой оправе пристально оценил

обстановку слева направо относительно своего места нахождения. Прилетевшее сюда руководство МВД его интересовало слабо, а в толпе, он, как ни старался, ни за кого взглядом зацепиться не смог, обычные автолюбители, хранящие в ветхих гаражах свои машины, да немногочисленные местные жители, прилетевшие на место, как стая ворон, чтобы проверить слухи.

Всеволод Иванович, по приезду оставил свою «Хендэ Соната» перед въездом в гаражный кооператив. Сделал он это по причине того, что проезд между гаражами был достаточно узким, и большое количество машин создавало бы трудности для выезда местных. На месте происшествия находились всего два автомобиля: дежурный полицейский «Ларгус» и «Рено Меган», в котором он заметил дежурного районного следователя Следственного комитета. Всеволод Иванович про себя хмыкнул и направился к работающим в гараже молодым людям. На месте происшествия находились две молодые девушки, и опытный сотрудник сразу обратил внимание на непринужденный профессионализм первой со всевозможными кисточками в руках, и умные хоть и до сих пор шокированные глаза второй. Далее Всеволод Иванович вперился взглядом в молодого худощавого, но при этом широкоплечего человека, замотанного в длинное пальто до колен, который что-то целеустремленно читал в мобильном телефоне. Была в этом мужчине какая-то гремучая смесь из силы, отчаяния, злости и ... печали. Экстравагантности

ему предавала шляпа «ферро», надвинутая на лоб. Если бы опытному следователю сказали, что преступник находится где-то здесь, и предложили угадать кто он, как в известной передаче про интуицию, он бы без зазрения совести указал на этого странного мужчину.

Остап оторвался от телефона, в котором разглядывал распечатку ИБД на погибшую лишь в момент, когда перед ним, как черт из табакерки, возник невысокого роста худощавый немного сморщенный мужчина в бежевом пальто из драпа и шляпе ферро светлых оттенков. Остап от увиденного даже ухмыльнулся, теперь карикатурных «чикагских гангстеров» стало двое. Мужчина носил очки в тонкой позолоченной оправе, и, хотя волос из-под шляпы видно не было, Остап был уверен, что тот седовлас. Зеленые глаза мужчины светились умом, точнее какой-то мудростью веков, которой обладали киношные старцы. Остап фактически отшатнулся от исходящей от старика силы и странной энергетики.

Мужчина подошел к Остапу, остановился на расстоянии вытянутой руки и, пристально на того посмотрев, тихо спросил:

- Здравствуйте, вы со следственно-оперативной группы?
- Да, а вы кто? – небрежно ответил Остап.

Мужчина, пахнувший недорого, но стильным «Расо Rabanne», достал из полы пальто удостоверение сотрудника Следственного комитета и снова спросил:

– Следователь или с Убойного Управления?

– Нет, опер, то есть, – Остап приосанился, – старший опер-уполномоченный районного отдела, капитан полиции Сомов Остап Евгеньевич!

– Всеволод Иванович Большаков, старший следователь по особо важным делам Следственного комитета, дежурю от Московского Управления, – он достал пачку «Captain Black» взял сигарету и протянул пачку Остапу.

Оперативник взял сигарету и обернулся на девушек, которые приостановили работу и, молча, наблюдали за диалогом, а Всеволод Иванович продолжил:

– Что-то можете сказать предварительно? Что сделано на месте происшествия?

– Ну, по мне, так работал психопат, убил, устроил поджог...

– Факт изнасилования подтвержден?

– Судмед до нас еще не доехал, на дорожно-транспортном на МКАДе работает, там пять трупов, в соседнем районе, ждем...

В диалог вмешалась Олеся, Всеволод Иванович перевел внимательный взгляд на нее:

– Но я внешне тело осмотрела, там, где не обожжено, следы, судя по всему есть, но вот что за следы – не пойму, как вариант, слюна, – она смутилась под пронизательным взглядом следователя, – но это лучше до судебно-медицинского эксперта... Но соскоб мы взяли, разумеется.

Всеволод Иванович хотел было обратиться к Остапу, но в этот момент к нему подбежал слегка заспанный, вывалившийся на спех из машины Артем Рогов, и задыхаясь пролепетал:

– Всеволод Иванович, следователь Рогов...

Пожилой следователь испепеляюще посмотрел на представившегося, и тот, несмотря на то, что был около ста восьмидесяти сантиметров ростом, стал как-то значительно меньше:

– Что сделано на месте происшествия? Каковы версии?

– Производится осмотр места происшествия, – начал было Рогов, но под пристальным взглядом старшего товарища, затих.

– Я спрашиваю не вас, – интонация в слове «вас», казалось, уменьшила Рогова до субатомных размеров, – Остап, ммм,

– Евгеньевич, – подсказала Олеся.

– Да, спасибо, доложите, пожалуйста, хотя, нет, подождите... Товарищ Рогов, товарищ следователь Рогов, будьте добры, покиньте место происшествия...

– Что доложить руководству? – отсутствующим голосом спросил Артем, даже не пытавшийся спорить со стариком.

– Доложите, что ВАС выгнал Большаков, – (у Остапа в ушах кусками трущегося друг о друга пенопласта в голове вновь прозвучали эти «вас») – А то, что за вас ПОЛИЦЕЙСКИЙ (Всеволод Иванович с уважением посмотрел на Али-

ну, скукожившуюся под этим взглядом) следовательно протокол осмотра места происшествия пишет, и что вы НИЧЕГО («ничего» звучало, как удар биты по лобовому стеклу любимого «Фольсвагена» Остапа) не делаете, и ПРОСТИТЕ («простите» легко можно было заменить на «обжалованию не подлежит»), СПИТЕ (слово «спите» многоглавой гидрой готово было вцепиться в глотку окружающим), я доложу ВАШЕМУ (Остап в очередной раз за монолог вжался в пальто. Несмотря на то, что пугливым оперативник не был, он ожидал, что во время слова «вашему» изо рта Всеволода Ивановича вылезет змеиный язык и пара-тройка скорпионов) руководству я доложу сам, – Большаков также внезапно успокоился, как и завелся.

–Всеволод..., – начал было Рогов.

–Воооон, – прикрывая глаза, прошипел Большаков. Остап понял, что у него по спине бежит пот. Краем уха он услышал удовлетворенный шепот Алины: «Так тебе и надо, козел!»

Следователь, понуриив голову, зашагал прочь и вскоре, повизгивая колесами, его «Рено Меган» рванулась прочь подальше от Большакова и остатков того ужаса, который творился здесь несколькими часами ранее.

Всеволод Иванович закурил новую сигарету и некоторое время спустя вновь обратился к Остапу, ни проронившему с момента того, как старший следователь по ОВД⁸, выгнал

⁸ Следователь по ОВД – следователь по особо важным делам, название должности.

Рогова, ни слова:

– Остап Евгеньевич, может вы все-таки соизволите мне доложить по факту материала? Или, может, мне попросить это сделать кого-то другого? – Большаков посмотрел на следователя полиции Алину Дитмар от чего та, тут же опустила свои карие глаза в пол гаража.

Остап откашлялся и бодро начал:

– По поводу времени совершения преступления точно скажет эксперт по трупным изменениям, я думаю, что где-то около трех – четырех часов утра, Потерпевшая, она же убитая – скорее всего Япуряну Анна Александровна, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженка города Кишинева, паспорта нет, в сумке нашли справку об освобождении. Распечатку ИБД заказал – там статья за кражу и грабеж, плюс куча всяких «административок» по распитию в неположенных местах, мелкому хулиганству, нахождению в нетрезвом состоянии в общественном месте и тому подобное. Такое ощущение, что она прикормлена была у ППСников или участкового, они ей может деньгами помогали, а взамен «палки⁹» клепали по административным протоколам, но

⁹ Палки – Палочная система (также «АППГ+1») – неформальное название системы статистической оценки деятельности подразделений правоохранительных органов, в частности полиции, в отдельных постсоветских странах. Заключается в подсчете показателей подразделений и сравнении его с аналогичным периодом прошлого года. Очень упрощенно, если на апрель 2020 года было составлено 15 административных протоколов, то в апреле 2021 года их должно быть, как минимум, столько же вне зависимости от реальной обстановки.

это я еще не пробивал. Эммм, также установил, что у нашей девушки был доступ в гараж, это подтверждает охранник кооператива. Говорит она была бродяжкой, и ее приютил хозяин гаража, разрешил тут жить. Гараж буржуйкой оборудован, электричеством, так что свет есть. Хозяину гаража пытался два номера прозвонить – и там, и там загашен мобильник.

– Недурно, за час работы... – хмыкнул про себяследователь.

Всеволод Иванович внимательно слушал, пристально глядя себе под ноги, казалось, он не шевелится, не дышит, и представляет собой одно большое ухо. Остап продолжил:

– Сам охранник говорит, что ничего не видел, всю ночь спал, утром во время обхода обнаружил, что гараж открыт, и из него пахнет гарью. Камеры работают только на обозрение, запись не ведется (на этих словах Остапа следователь буркнул себе под нос, что-то между ругательством и «разумеется»), я проверил, по округе камеры пробить не успел пока, тут работаю, и да, я пока не понимаю откуда она шла... – Остап поморщился, – вызывал и допросил хозяина кооператива, он ничего не знает, что очевидно. Участкового я на поквартирный обход отправил, правда не знаю, что и кого он может там найти. В сумке, полпузыря водки нашли, эксперт пальцы попробует снять. Там еще шмотки какие-то стиральные, сало. Это, что касается работы. А вообще по ситуации, по-моему, это явно какой-то садист или пироман, но вот ма-

ньяк он, с уплывшим колпаком, личная неприязнь, или просто «белка¹⁰», я пока сказать не могу. (Остап заметил, что его понесло, и говорит он не слишком-то официально для доклада человеку, который старше его почти вдвое, но усталость и «нервяк» взяли-таки свое). Не знаю при жизни он ее жег, а потом резал горло, или нет, надеюсь, что все-таки наоборот, иначе натерпелась бы она. Я понимаю, что она бродяжка скорее всего, но это, это, так с бабой... – кулаки Остапа сжались...

– Молодой человек, вы выглядите очень уставшим и бледным, – резюмировал Всеволод Иванович, как будто Остап и не распинался около пяти минут...

– Да, просто с предыдущих суток смениться не успел... Вы только не подумайте, что я жалуясь, на взводе просто.

– Какие-нибудь версии в голове есть? – спросил Всеволод Иванович.

– Не знаю, может кто из друзей – бомжей... Может, пальцы на бутылке найдутся. Может хозяин гаража, но вряд ли, зачем нужна такая самоподстава – в собственном гараже, бред...

– Понятно, девушка, что у Вас с осмотром, – Алина, продолжавшая корпеть над протоколом, подняла глаза.

– Дописываю!

– Дайте посмотреть, – Алина протянула несколько листов протокола, и Всеволод Иванович углубился в чтение. Он

¹⁰ Белка – здесь Белая горячка.

вдумчиво читал, на протяжении минут десяти, после чего удовлетворенно резюмировал:

– Не плохо, молодец, – дописывайте последнюю часть, изъятия обязательно впишите и езжайте в отдел, не забудьте только, материалы отдать, и бланк протокола осмотра места происшествия, плюс несколько листов про запас оставьте мне, хорошо?

– То есть протокол неудачный? – наивно и даже чуть обиженно спросила Алина.

– Милая, товарищ следователь, я же сказал, что вы «МОЛОДЕЦ» (слова прозвучали даже чуть приторнее чем нужно, и по мнению Остапа походили на сладкую вату, которую он с детства ненавидел), но мне необходимо все еще проанализировать самому, не отказывайте в возможности моей маленькой слабости, хорошо? В крайнем случае будет два протокола, но ваш из материалов дела точно не пропадет. Это я вам обещаю, как честный человек.

Алина кивнула, замолчала, а потом, как будто резко что-то вспомнив, заговорила:

– Всеволод Иванович, до нас МЧС-ники приезжали с дознавателем, сказали материал после будет, там исследование пожарно-техническое, осмотр, рапорта. Они потушили, все быстро сфотографировали и уехали. Со скорой тоже, смерть зафиксировали, справку констатации сделали и все, а у меня первый раз такое... Я им сказала следователя дожидаться, он они меня не послушали... Я...

– Как вас? – подняв брови, перебил ее Большаков?

– Алина, кхм, то есть Алина Александровна Дитмар, – девушка почему-то густо покраснела.

– Спасибо за труд, – на этих словах следователя Остап чуть не подавился сигаретой, поскольку его (ЕГО, СОБРАВШЕГО ТРИ ЧЕТВЕРТИ ЭТОГО СРАНОГО МАТЕРИАЛА), за труд не поблагодарил никто.

Всеволод Иванович на крепко сжатые скулы оперативника не обратил внимания, от слова «совсем» и, посмотрев на Олесю, стоявшую на полу гаража на четвереньках, продолжил:

– У вас есть, что сказать? – двадцатисемилетняя девушка-эксперт в отличие от Алины робостью не отличалась, и, грациозно (так, что Остап с трудом прогнал мысли об их совместном времяпровождении) поднявшись на ноги, начала свой отчет:

– Поджог, как я думаю, имеет место быть, чтобы скрыть преступление. Очаг возгорания, – девушка показала на старый ватный матрац, постеленный прямо на полу, – вот здесь, преступник скорее всего не стал дожидаться пока он разгорится, матрац сначала долго тлел, а с него пламя перенеслось на половики, полки и верстак, но только слева, труп, как вы видите, лежит в центре гаража, соответственно пламя его почти не задело, а эти ожоги... Они, как мне кажется, делались до поджога матраца, у нее (девушка с усилием посмотрела на покойницу) – все волосы сожжены, задняя часть го-

ловы, прогорела до костей, уши сгорели, глаза (Олеся сглотнула) выжжены, но лицевые и лобная кости, почти не тронуты, пламенем, обуглена правая рука, видимо, до нее дотянулось пламя, а так... Есть ожоги на груди, в верхней части ног, на животе, на ягодицах, в некоторых местах до обугливания, а вот половые органы не тронуты, хотя если убийца хотел спалить труп или ее еще живую, именно за счет волос, почему не поджечь лобковые волосы? А вообще, мое мнение, что он не ставил целью сжечь труп, он именно издевался, обезобразивал его... – девушка обреченно замолчала, и Остап понял, что все сказанное и увиденное дается ей очень тяжело.

–Спасибо вам, – Всеволод Иванович, – даже сделал легкий поклон, – а что по изъятиям?

– Соскоб биологического материала с груди жертвы, есть вероятность что сперма, но мне кажется, все-таки слюна... Следы ботинок, но не факт, что не приехавших до меня пожарных или кого-то еще, окурок, но не факт, что его курил преступник, строительный нож, у него сильно оплавлена ручка, но, возможно, орудие убийства, потому что с кровью (Всеволод Иванович нахмурился), тут лучше изъять чем не изъять. Следы рук только на двери с внутренней стороны, но опять же не факт, что не пожарных и не охраны, с внешней стороны был дождь, и ни на ключах, ни рядом – ничего нет. Ах да, сумку с вещами мы тоже изыдем. На бутылке тоже есть следы рук, есть, по-моему, и мужские пальцы, но

это точно скажу после экспертизы, хотя у вас, наверное, свой экспертно-криминалистический центр?

– Ну куда направлять, это я уже сам решу, наш центр – не панацея, – сдержанно отреагировал пожилой следователь, – Остап Евгеньевич, не сегодня, но в течение пары дней, будьте добры, найдите мне дактилокарты всех, кто касался этих дверей сегодня, а также следы их обуви, сможете?

– Смогу, но сопровождение, скорее всего будут оказывать убойщики¹¹, – ответил Остап.

– Я не ясно выразился? (слова метнулись в Остапа Очковой коброй)– жестко парировал Всеволод Иванович,

– Есть, понял, сделаю, – грустно отозвался оперативник.

Всеволод Иванович прищурился, будто что-то обдумывал, не забыл ли он чего-нибудь, и наконец обратился к Олеся:

– Девушка, милая, а фототаблицу места преступления вы сделали?

Олеся была таким вопросом явно оскорблена, и выпучив глаза выпалила:

– Само собой.

– У меня к вам будет просьба, уделите, пожалуйста, ей время сегодня, сделайте, и отдайте в дежурную часть вашего отдела. Вернее, нет, сделайте две фототаблицы, одну на труп, вторую на место происшествия.

¹¹ Убойщики – сотрудники убойного отдела Управления. Специализированное подразделение, занимающееся раскрытием убийств.

– Я не уверена, что я смогу их подписать у руко... – начала было, девушка, но посмотрев на улыбающегося смотрящего прямо ей в глаза старика со вздохом выдавила, – постараюсь.

Следователь некоторое время, молча, смотрел на девушку, а затем, неожиданно повернув голову, к Остапу спросил:

– Кстати, где ваши эти обещанные убойщики?

– На самом деле странно, что их нет, – ответил Остап.

Как он выяснил позже из-за неразберихи в дежурных частях, убойный отдел никто не вызвал, потому что, каждая голова неповоротливого полицейского Змея Горыныча, думала, что за нее думает другая. Ни в чем не виноватые оперативники убойного отдела уголовного розыска Управления появились многим позже, к моменту, когда Остап выполнил основную часть первоначальных мероприятий, и их функция заключалась лишь в ознакомлении с собранными бумагами и фотографировании их на телефон. Опера-убойщики, кстати, оказались вполне контактными людьми, без пафоса и управленческих закидонов, поблагодарили Остапа за то, что тот прикрыл им спину, не слил их ни одному из ответственных от руководства, которые коршунами слетелись на место убийства, и, видимо, приняли за сотрудника убойного отдела, именно Остапа. «Убойщики» по итогу общения обещали дополнить свое «спасибо» бутылкой Бурбона. «Сочтемся», – с улыбкой ответил чуть живой Остап, пожимая руку, бородатому оперу по имени Глеб.

Вскоре на место происшествия подъехал пожилой судеб-

но-медицинский эксперт. Они долго на дружеской ноте беседовали с Всеволодом Ивановичем, и приступать к работе не спешили.

К моменту, когда Остап в этой круговерти событий посмотрел на часы было около четырнадцати часов. Прошли сутки и восемь часов, как Остап был на ногах. Реакция и скорость ответов на задаваемые (операми-управленцами, дежурными частями, ответственными от руководства, следователем, Олесей, Алиной) вопросы, снизились до критической отметки, нервы начинали сбойть и искрить. Он стоял возле патрульной машины с папкой в руке с закрытыми глазами в тот момент, когда кто-то потянул его за локоть:

–Остап Евгеньевич, езжайте, поспите, машина патрульно-постовой службы вас ждет на выходе у шлагбаума, – да, не забудьте сдать оружие, иначе поспать вам не дадут, ОБЗВОНЯТСЯ. – пожилой следователь торжествующе поднял брови и округлил глаза, будто «отмочил» отличную шутку, отчего стал похож толи на филина, толи на душевнобольного.

Через три минуты машина патрульной службы сквозь грязную сеть дождливых улиц несла Остапа в дежурную часть, а тот, уснув на двадцать минут в машине, впервые за долгое время не видел никаких снов.

Всеволод Иванович отпустил девушку-эксперта дальше нести службу следом за районным оперативником, распи-

саться в протоколе, та всегда успеет, а держать ее здесь из-за автографа, он не видел смысла. Он также дал указание разъезжаться ответственным от руководства и оперативникам, договорившись, что те откопируют необходимые им материалы вечером этого же дня. В итоге он оставил себе в подчинение лишь сотрудников патрульно-постовой службы, да и те были ему нужны лишь на всякий случай.

Всеволод Иванович сел на одну из имевшихся в гараже табуреток у верстака и задумался. Затем покопался в уже не маленьком материале и нашел написанный Алиной Дитмар протокол осмотра места происшествия. Его содержание вполне устроило, оно было даже чересчур полным и приторным. В нем аккуратненьким почерком молоденькой девчушки было описано буквально все и имеющее и не имеющее отношение к делу. Банки, склянки, верстаки, не обгоревшие и обгоревшие полки, следы на полу, следы на стенах, вещи, большой напольный шкаф размером два на два метра, который со слов следователя был пуст, и в нем висела лишь пара рабочих халатов, обстановку на десять метров вокруг гаража... Всеволод Иванович улыбнулся, какая все-таки эта Алина Дитмар— молодец. Надо будет подумать о ее судьбе, и, возможно, привлечь в каком-нибудь грядущем расследовании, которых он был уверен будет еще очень много. На покой было откровенно рановато.

Единственным изъяном составленного протокола было отсутствие описания трупа, но девушка, по всей видимости,

ждала судебного медицинского эксперта, да, и по ощущениям, пожилого следователя попросту опасалась на него смотреть. Всеволод Иванович не боялся вообще ничего. Тело погибшей зияло черно-белым пятном, как в гараже, так и в протоколе, и Всеволод Иванович начал свое описание.

«Объектом осмотра является труп женщины предположительно гражданки Российской Федерации Япуряну Анны Александровны, расположенный по адресу... в гараже номер... гаражного кооператива... Труп обладает худощавым телосложением, рост около ста пятидесяти – ста пятидесяти пяти сантиметров, кожный покров белый, возраст по внешним признакам – около сорока лет. Труп лежит в естественном положении на спине, ноги и руки раскинуты в стороны. Труп фактически полностью обнажен, лежит на обрывках пуховой розовой куртки и серой блузы, в которую предположительно был одет, на ногах в районе ступней обрывки капроновых колгот, черные носки, зимние черные ботинки. Обстановка: вокруг трупа относительно точки осмотра: налево по диагонали от входа в гараж – обугленный матрац и очаг предполагаемого возгорания, направо по диагонали ко входу бытовая утварь и инструмент. Труп расположен в центре гаража, ближе к левой стене относительно направления осмотра. Расстояние до левой стены два метра, расстояние до правой стены три-четыре метра, расстояние до входа в гараж пять-шесть метров. Под трупом на обрывках одеж-

ды видны бурые пятна в форме засохших луж, предположительно кровь. Имеются многочисленные, идущие от входа в гараж до трупа, подтеки бурого цвета. По характеру трупных пятен и трупного окоченения предположительным временем смерти можно считать промежуток времени от двух до пяти утра сегодняшнего числа. Голова трупа имеет термические повреждения до обугливания в затылочной части, отсутствуют уши, кожа головы, волосы. Выжжены глаза. Кости черепа с задней части головы имеют серо-черный цвет, вызванный термическим воздействием. На шее в районе горла у трупа обнаружена рваная резаная рана в форме неровной линии длиной около 10 сантиметров, нанесенная слева направо относительно осмотра неустановленным колющим предметом. Также на шее обнаружен металлический крестик на веревке размером около двух сантиметров со следами вещества бурого цвета. У трупа перерезана шейная артерия, что могло служить причиной смерти. На груди имеются многочисленные кровавые подтеки идущие от раны на шее, в районе сердца, на левой молочной железе обнаружена травма, вызванная термическим воздействием. Рана имеет форму черно-фиолетового струпа, имеет диаметр около семи – десяти сантиметров, на ране обнаружены обугленные тканевые волокна. ...Ниже на туловище жертвы в районе желудка на коже также имеется обугленная черная рана с большим нарушением кожных покровов в форме кляксы от грудины до пупа, вызванная термическим воздействием, уходящая внутрь

туловища погибшей. Похожие менее глубокие раны имеются на ногах в верхней части обоих бедер. На ягодицах также обнаружены глубокие ожоговые очаги, прогоревшие до костей погибшей. Левая относительно осмотра, правая относительно жертвы рука полностью обуглена. Половые органы без видимых повреждений. Противоположная рука имеет застывшие в форме кляксы и струй бурые подтеки, под ногтями пластинами обнаружены следы вещества бурого цвета, температура трупа...»

Всеволод Иванович спокойно дописал протокол, закурил сигарету и вызвал «труповозку¹²» для доставки трупа в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Он хотел бы как-то ре-зюмировать преступление, проявить хоть какие-то чувства по отношению к жертве: раздражение, сострадание, боль, да все, что угодно, но наряду со всеми имеющимися, одним из многих его достоинств и проклятий одновременно было то, что он уже много лет был на это не способен. Он дал указание патрульно-постовым дожидаться автомобиля СМЭ¹³, опечатать гараж, а сам, надвинув шляпу на лоб, отправился к своему автомобилю, и уже через пять минут, невзирая на промозглый дождь, усиливающийся ветер, и неожиданно выпавший снег, мчался по мрачным спальным улицам города

¹² Труповозка – профессиональный жаргон, специальный автомобиль для перевозки трупов с места происшествия, преступления в морг

¹³ СМЭ – судебно-медицинская экспертиза

Москвы в сторону Арбата. Сегодня у него было еще колоссально много работы.

Остап, зашедший в свою однокомнатную и почти пустую берлогу около пяти часов вечера, не нашел в себе сил ни на душ, ни на кофе, однако, как только его голова прильнула к подушке, он обнаружил, что уснуть категорически не может.

Мысли блуждали от обещанной убойщиками бутылки Бурбона к незакрытым материалам на работе, от того насколько он не хочет завтра на работу к мыслям о стоящей посреди гаража на четвереньках Олесе, наконец – от обезображенного ожогами трупа до пива, стоящего в холодильнике. Вскоре, он не выдержал и со слипающимися глазами побрел, шаркая босыми ногами по облупившейся коричневой краске пола на кухню. В холодильнике помимо пива он обнаружил еще четверть бутылки дешевого, но сердитого «Black and White», и решил, что сейчас виски подойдет ему лучше пива. Несмотря на усталость, ему хотелось выть от тоски: от одиночества, от несправедливости, от жалости к себе, с которыми он ничего не мог поделать. За грудой мышц, за бравадой слов, за щитом эгоизма и за ничего не выражающими белесо-серыми глазами, скрывался маленький скукожившийся похожий на кузнечика человек, сидевший в экзоскелете человеческой плоти и чувствовавший себя инопланетянином в этом городе. Он прошел в ванную к единственному в квартире зеркалу. На него уставился темноволосый, корот-

костриженный, скуластый мужчина с бесцветными, похожими на темную линию губами, тонким искривленным в драках носом, и сетью морщин под глазами и на лбу, сами глаза были испещрены сетью красных капилляров от чего белков фактически не было видно. Для пущей brutality, не хватало только щетины, и Остап бы хотел на маневр любимых героев детства оной обладать, но та росла клоками и не везде, от чего, если он не брился, то становился похожим на спившегося аристократа.

Допив бутылку, Остап, разумеется, не остановился, и пошел в «К&Б» возле дома, служивший маяком его спокойствия, за второй. А потом уже с бутылкой, потягивая ее из горла, и изредка запивая колой, с подключенного к телевизору компьютера он смотрел сначала винтажную порнографию, потом «Клан Сопрано», а затем и вовсе «Дневник Бриджит Джонс», под который и уснул, сидя на диване с остатками виски в руках. День подошел к концу, город засыпал.

Черт не торопился домой, вернее сегодня днем он там уже был, но в силу произошедших событий, усидеть на месте не мог, его разрывало на части. Внутреннее чутье, звук шагов и реакция по неведомым причинам вывело его из гаража раньше, (а ведь не зря, ох не зря!) и он лишил себя счастья наблюдать за полыхающим пожаром, который одновременно был и последним памятником для несчастной жертвы, и рождением прекрасного феникса его воспоминаний, самых трудных

и сладостных воспоминаний детства.

Он фактически был опустошен, ноги не слушались, тело ныло, а беззащитная душа выла, ведь он – Черт! Трусливо сбежал, ретировался, как шелудивый хорек, застигнутый хозяевами в курятнике. Со злости он был готов начать топтать руками и ногами, забиться в конвульсиях на полу, но понимал, что в баре, где он обжигал стаканчиком виски свое иссушенное горло, это было совсем не уместно. Его трясло от ненависти к себе с одной стороны, но будоражило от желания посмотреть хотя бы следы своего триумфа, подобно отцу, потерявшему своего ребенка и теперь рассматривающему лишь его фотографии в надежде все поменять. Он допил стакан виски и бросил на стол триста рублей в качестве оплаты. Сегодня все еще опасно, а вот завтра, завтра он обязательно отправится туда, где уже был, туда, на могилу своего не рожденного произведения искусства, на Восток Москвы.

Остап проснулся (по личному ощущению от собственного храпа) в той же позе, что и заснул, сидя на диване и запрокинув голову на его вертикальную подушку. Рот был открыт, от чего вся правая сторона нижней челюсти была в слюне. Бутылка с остатками виски, в какой-то момент, его сна, видимо, выпала из руки, и теперь с немым упреком лежала на полу в лужице собственного содержимого. Времени было половина девятого утра, и Остап понимал, что даже без учета душа, он не успеет на оперативное совещание, а в таком

состоянии его и вовсе могут отправить на освидетельствование, а потом уволить с позором из органов внутренних дел. Его шея невыносимо затекла, а голова была подобна пушечному ядру, как по массе, так и по способности взорваться при ее неосторожной транспортировке. Он с трудом поднялся на ноги, поставил севший мобильный телефон на зарядку, а сам пошел в душ, где через силу около пяти минут стоял под ледяными, карающими, как меч божий, струями немилосердной воды. По выходу из душа (времени было без десяти девять), Остап включил на ноутбуке специально для таких вещей сделанную запись гула двигателя на автомобиле и, склонившись над источником звука, позвонил своему начальнику по прозвищу «МММ»:

– Максим Михайлович, я опоздаю, в пробке застрял, еду, через десять минут буду.

– Нарываешься, Сомов, я тебя прикрою, но это последний раз, и чтобы к внутренней оперативке по материалам в полдесятого, ты был, как штык, все ясно? – последние слова МММ скорее каркнул нежели сказал.

Остап понимал, что к половине десятого скорее всего не успеет проехать и полпути, но злить Максима Михайловича еще больше и ставить того перед этим грустным фактом, не рискнул, ведь в последнее время, начальник был зол на оперативника, и без того. В результате их небольшого недопонимания Остапу расписывались, как правило, поганые, и проблемные материалы проверок, от которых прямо-таки рази-

ло «висяками¹⁴», недовольством прокуратуры и жалобами.

Остап положил трубку, и, проверяя мессенджеры, увидел три пропущенных звонка и наполненное щенячьими извинения сообщения Марины в ватс-аппе. Девушка всегда писала текст одним сообщением, то есть категорически ненавидела, когда мысль в том же ватс-аппе выражалась по слову столбиком из десяти месседжей. Ее сообщение гласило:

«Прости, Чикаго! Я уже в курсе какую свинью тебе подсунула, (смайл пороссячьего пяточка) приедешь, расскажешь, все равно МММ с суток до внутренней оперативки не отпустил, сука. Будет за материалы (смайл с тремя капельками), в общем до встречи, еще раз не серчай, с меня (смайл бутылки и несколько сердечек, разных по цвету)...»

«Чикаго» – так называла Остапа только Марина. Он всегда испытывал непонятное тепло от ее сообщений, хоть и за тащить в постель ее на сегодняшний момент ни разу не получилось. Его, во многом удивляло поведение Марины. Насколько этот человек был немногословен и скован в жизни, настолько же он был открытым в сетевом общении. Гигантские сообщения, кучи смайлов, переписки по полночи – это все была Марина Халитова. Хотя до сегодняшнего дня, по-

¹⁴ Висяк – Нераскрытое преступление (т. н. «глухари» или «висяки») – это преступление, уголовное дело по которому было приостановлено и сдано в архив («заморожено»), ввиду невозможности установления личности виновного в преступлении. Ежегодно во всех странах мира остаются нераскрытыми тысячи преступлений. Нераскрытые преступления становятся объектом внимания общественности, СМИ и «городских легенд».

общаться с Мариной ближе чем через столик в кафе у Остапа не вышло, он видел, что девушка, оставшись наедине, может раскрыться подобно бутону холодного, но красивого цветка.

Уже натягивая джинсы, Остап улыбнулся и скорее для порядка, нежели ставя реальную цель, отправил Марине сообщение:

<Может разопьем (смайл бутылки) ее вместе, тогда считай, будешь реабилитирована?>

<Ой, все... (смайл, закатывающий глаза)>

Разумеется, ни душ, ни кофе, купленный в «Макавто», не спасли Остапа; во рту по ощущениям, неожиданно образовалась Сахара (или, что было вернее исходя из ощущений – насрала стая бездомных собак), в голове звучали танковые канонады, внутреннее состояние было под стать внешнему: он сам себе напоминал выставленное на солнцепеке пугало, облепленное орущими воронами.

Свой старый «Фольсваген Гольф» на стоянке отдела, он припарковал, около «без пяти десять», потратил пару минут на сигарету и освежение ротовой полости посредством закидывания в нее четырех термоядерных жвачек, и как раз в десять, на ходу снимая шляпу, вошел в логово «МММ», расположившееся на втором этаже фактически в самом конце здания отдела внутренних дел напротив кабинета начальни-

ка.

В кабинете Максима Михайловича пахло потом и тревогой. На выдавших виды стульчиках, расставленных вдоль стен, как птицы на жердочках сидели оперативники – личный состав отделения уголовного розыска. В дальнем от входа краю стоял стол, за которым, скорчив гримасу, недовольного бульдога сидел Максим Михайлович Марков.

По царящему вокруг безмолвию, Остап сразу догадался, что внутреннее оперативное совещание без него решили не начинать. Сделано это было разумеется специально, чтобы поставить его в неловкое положение перед остальными ребятами, ведь, исходя из самой обычной логики, и вопреки известной поговорке – Семеро ждали одного его.

Максим Михайлович Марков был руководителем отделения уголовного розыска, периодически, когда должность в очередной раз становилась вакантной, исполнял обязанности заместителя начальника отдела и имел кличку «МММ». Он внешне производил впечатление карикатурного злого шефа полиции из американских киношных детективов. Крикливый, небольшого роста с осязательным пивным брюшком, лысоватый, все время требующий надлежащего выполнения от подчиненных своих обязанностей, в рабочее время... Желательно с нуля до двадцати четырех часов... Желательно без выходных...

МММ любил посреди дня «неожиданно» собрать личный состав и устроить взбучку по причине несвоевременных за-

крытий материалов и не раскрытий преступлений. Не стало исключением и сегодняшнее утро. Остап, обладая полицейской «чуйкой», старался в такие дни внезапно оказаться на «территории¹⁵», но на любую хитрую задницу, как известно, найдется винт с резьбой.

Несмотря на свою напускную грозность и неуравновешенный местами характер, в то же самое, время Максим Михайлович всегда до последнего на всех совещаниях и во всех кабинетах совершенно искренне бился за своих сотрудников, не редко подставляясь сам. Не гнушался МММ и работой на земле, вплоть до сбора объяснений на местах происшествий. Для Остапа был удивителен тот факт, что этот полный невысокий человек, любящий посидеть на берегу с удочкой, дослужившись до пенсии и просидев на одном месте более десяти лет, не растерял азарта в работе и стремления не просто давать показатели, но и помогать людям. Несмотря на весь производимый шум «МММ» был добрым и порядочным человеком.

Сегодня же «МММ» был далек от сентиментальностей. Видимо, в очередной раз получил «нагоняй» за нарушение сроков по материалам и несвоевременную их передачу в прокуратуру и следствие, а может, недисциплинированность Остапа ему в край надоела, он причмокнул губами и непри-

¹⁵ Оказаться на территории – работа оперуполномоченного, в основном, не связана с кабинетной работой и больше располагает к работе по адресам совершения мест преступлений, мест жительства подозреваемых, обвиняемых, потерпевших... В общем говоря, за пределами отдела полиции.

вычно спокойным для себя голосом заговорил:

– Остап Евгеньевич, объяснение по факту опоздания, чтобы после оперативного совещания оказалось у меня на столе. Вы, видимо, по-хорошему, ничего понимать не хотите...

– Сделаю, – равнодушно ответил Остап, – попав в душное помещение будки старого бульдога, он понял, что из-за выпитого накануне, в голове у него образовался какой-то вакуум, который мешал ему собрать мысли в кучу.

– А вообще, Сомов, я устал тебя постоянно покрывать. Сегодня тебя с утра Алешин требовал, а я что ему скажу? Вот что, я должен был сказать Алешину? – душа поэта, видимо, не выдержала, Максим Михайлович снизошел до такого привычного ему крика, и Остапу сразу стало как-то спокойнее.

– А зачем я Алешину?

– Да мне-то откуда знать, – взревел Марков, – что-то хотел по вчерашнему убийству выяснить, а то материалы комитетчик не дал откопировать, сказал, что ему некогда.

Остап вздохнул, сам по себе вызов к руководителю ничем хорошим обычно не заканчивался. Мрачными птицами на своих стульях на него сочувственно смотрели коллеги по отделу. В этот момент, «МММ» стал трясти свой личный состав, и Остап, дожидаясь своей очереди, принялся рассматривать своих коллег.

Возрастной седой опер Олег безучастно привалился щекой к шкафу, возле которого сидел. Оперативник выслужил

пенсию лет семь назад, и каждый раз, получая новую задачу или очередной материал, грозился на пресловутую пенсию уйти, но с решением не торопился. Может быть, потому что понимал, что последующее трудоустройство в гипермаркет охранником чуть менее престижно нежели нынешняя должность старшего оперуполномоченного, да и зарплата даже по сравнению с полицейской – там менее конкурентная; а может быть вне работы в органах он попросту себя и не видел. Кроме того, Олег был феноменально ленивым, но при этом отнюдь не бесталанным опером. В нем, как запах советского одеклона ощущался тот самый дух старой школы, где учителями и директорами были лучшие постперестроечные оперативники, часть из которых сделала карьеру в борьбе с бандитизмом, а часть, к сожалению, давно съедена червями, и ограды на их могилах пребывают в запустении и забвении.

Несмотря на лень и ворчливость, Олег за годы службы обзавелся неплохой агентурной сетью, которая хоть и со сбоями, но работала, выдавая удивительные результаты. Так, пришедший по первому звонку наркоман вполне мог знать кто совершил разбой на другом конце района, а местная проститутка, заглянувшая к Олегу на «субботник¹⁶», вполне могла услышать краем уха из телефонного разговора клиентуры информацию о том, в каком гаражном кооперативе

¹⁶ Субботник – полицейский жаргон, девушки легкого поведения за «покрывательство» со стороны полиции зачастую оказывали услуги тем, кто должен был их ловить.

находится отстойник для похищенных автомобилей. В силу всех перечисленных обстоятельств Остап, как ни старался, не мог испытывать неприязнь к старому потрепанному жизнью и службой, но находящемуся в обойме Олегу.

Справа от него пристроился на стуле молодой белобрысый опер Максим Ребров, который сейчас весь красный пытался отбиться от «МММ». Шансов у него особых не было, потому что начальник, не стесняясь в выражениях орал на Максима, не давая тому вставить и пары слов в свое оправдание. Судя по ощущениям Остапа, Максим пришел в уголовный розыск прятаться от армии до двадцати семи лет (Ха-ха, прятаться! От армии! В уголовном розыске! Смех, да уж лучше до тридцати просидеть в подводной лодке, чем год здесь, подумал про себя Остап, а разбирался в этом вопросе он не понаслышке поскольку два года служил на границе с Китаем в местах, которые не отмечены ни на одной карте), а в итоге втянулся. В силу того, что Максим был самым молодым в коллективе, ему была вменены обязанности мотания по городам и весям с запросами, сидения под адресами в засадах, а также нудная, но важная линия взаимодействия с судами и надзорными органами. С последними, а конкретно, районным отделом прокуратуры, взаимодействие у Максима было отлажено, как нельзя лучше, и помощник прокурора Лена Петрова, коротавшая периодически с ним ночи, была лишним тому подтверждением.

Максим, как мог, скрывал данную информацию, стесняя-

ьясь того, что Лена была на девять лет его старше, но шила в мешке не утаишь. Особенно, если мешок является по совместительству местным райотделом полиции. Жил Максим на другом конце города, и дорога от дома до работы кровожадным вампиром выпивала у него полтора часа жизни в один край. Не будучи местным и достаточно опытным, особой информацией о готовящихся и совершенных преступлениях Максим не обладал, однако, природная наблюдательность, расторопность и хитрость периодически давали свои плоды, и нет-нет, Максим выстреливал раскрытием какого-нибудь грабежа из магазина или похищением «палки» прямо из-под носа у участковых или вневедомственной охраны, носившей сегодня гордое название Росгвардия.

С другого края кабинета, напротив Максима и Олега, сидели Антон Кузьмич и Михаил Гончар. Два опытных опера, которые почти по всем делам таскались вместе, одинаково выглядели, одинаково бесцветно одевались и одинаково пахли по утрам перегаром, а их средний возраст укладывался в странные рамки – от двадцати двух до сорока. То есть, лет им было где-то по тридцать пять, но работа без выходных, контингент, с которым приходилось общаться, начальство перед которым приходилось отчитываться, а также алкоголь – состарили их не хуже, чем морской ветер моряка.

Впрочем, раскрытия преступлений они выдавали с завидной регулярностью и считались образцовыми сотрудниками. Для более продуктивной работы друзья – полицейские не

гнушались применением кулаков, электричества и полиэтиленовых пакетов, которые иногда оказывались на головах подозреваемых, а также лечебной гимнастикой с последними, но по словам Антона такие методы работы применялись в виде исключения, в случаях, когда у напарников не было сомнений относительно личности преступника, а явка с повинной посредством простых уговоров не писалась.

Вместе с тем, оперская документация в виде дел оперативного учета и материалы, которые передавались в следствие для возбуждения уголовных дел были нарочито образцовыми, полными и аккуратными, выполненными по букве закона и требований следственных отделов. Вишенкой на торте к портрету оперативников можно было назвать то, что Антон занимал должность заместителя начальника отделения и исполнял свои обязанности на удивление профессионально и беспристрастно, не снимая с себя функций простого оперативника.

Марина Халитова. Та самая девушка, которая уговорила Остапа съездить на место происшествия вместо себя. Сегодня она выглядела намного лучше, чем вчера, глаза хоть и блестели от усталости, в них более не чувствовалось болезни, видимо, сутки выдалась относительно спокойными, и девушка отпоилась чаем и «Терафлю». Вообще, Марина, в каком-то смысле, была средним арифметическим между Максимом, Антоном и Мишей. То есть нет, перегаром по утрам она, конечно же не пахла и с помощником прокурора не спа-

ла, а была хрупкой, сероглазой, красивой девушкой двадцати семи лет, но только красота ее была какой-то тусклой и невзрачной. Сравнить с такой красотой можно пейзаж поздней осени, когда сквозь мокрый чугунный асфальт, опавшие серые листья, глубокое, как стакан и тяжелое как свинец небо и тягучий звенящий воздух чувствуется сама усталость природы. Серость в облике Марины роднила ее с Антоном и Михаилом, а возраст, скромность и огромный объем работы – с Максимом.

Занималась Марина розыском пропавших без вести, вела картотеку неустановленных трупов, плюс за себя и того парня (коим была вся мужская часть коллектива) делала документацию, не имевшую к работе никакого отношения, но с приходом нового руководителя, крайне популярную. Всевозможные внутренние отчеты, планы мероприятий, справки по раскрытиям, сводки и прочая макулатура к несчастью в правоохранительных органах вышла на первый план, и зачастую сотрудник ценился не за работу, которую он выполняет, а за умение об этой работе отчитаться.

Ко всем сложностям в полицейском быту Марины, ее по неведомым причинам невзлюбил начальник отдела Алешин, и требовал от нее раскрытий преступлений, в то время как Марина, в силу загруженности большую часть жизни проводила в кабинетах, архивах и моргах. Мужская часть коллектива по мере возможностей «выставляла по карточкам¹⁷»

¹⁷ Карточки статистического учета – бич и ненависть следователей, имя им ле-

за Мариной раскрытия, но ситуацию это до конца спасало. Кроме того, ответственности за поиск пропавших без вести с Марины никто не снимал. Для Остапа было загадкой, почему девушка, пришедшая в полицию сразу после академии, от такой жизни до сих пор не уволилась или перевелась. Ведь по информации Остапа, в Управлении Марина была на прекрасном счету и считалась одной из лучших по своему направлению.

Волжская Ольга во многом была противоположностью Марины, да и сидела она прямо напротив той, в коротенькой форменной юбке. Закинув ногу на ногу, она являла собой квинтэссенцию уверенности в себе. Длинноногая, статная, не отличающаяся скромностью тридцатилетняя блондинка, предпочитающая яркие цвета в косметике. Она представляла собой симбиоз распушенности, умения себя подать и эталона в манипуляциях людьми. Ольга умела удивительную способность влюблять и вызывать ненависть одновременно.

Ей, по ощущениям Остапа, одинаково пошла бы, как полицейская форма или вечернее короткое платье, так и мантия монахини или общевоинской костюм защиты. Глупой женщина абсолютно не была, но умением закосить «под дуру» доводила Марину до сводящей скулы ярости, а Максима

гион. 1, 1.1., 1.2, 2, 3, 4, 6. Оперуполномоченный конкретно интересуется карточка 1.2, в которой указывается подразделение и лицо, раскрывшее преступление. Заполняют эти карточки следователи, но в заполнении конкретно 1.2 заинтересованы именно оперуполномоченные.

Михайловича до момента, когда ему нечего было сказать, а такое случилось ой как редко. Ольга перевелась в отдел после расформирования Наркоконтроля¹⁸, в котором, имея должность старшего оперуполномоченного по особо важным делам, занималась профилактикой преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Звучало это внушительно, а на деле функционал Ольги заключался в хождении по школам, училищам, префектурам и администрациям с лекциями о вреде наркомании. Начальство в лице майора Алешина, к слову, было к Ольге куда более благосклонно, поэтому с переходом в полицию спектр обязанностей последней расширился незначительно. Помимо профилактики преступлений, в него вошли составление отчетов для прокуратуры и Управления, написание поздравительных речей для майора Алешина на всевозможные профессиональные праздники вроде Дня следствия или Дня участковых, а также развлечение его разговорами и сплетнями. Материалы Ольге, если и расписывались, то совсем не в том количестве, в которых они падали на голову, к примеру, Марине. При всем этом, отношение к Ольге среди сотрудников уголовного розыска в частности и отдела полиции в целом было скорее положительным. Большой части личного состава женщина не отказывала ни в помощи (по мере сил и возможностей), ни во внимании (по мере ее собственного желания и наличия кофе

¹⁸ ФСКН, как отдельная независимая служба расформирована в 2016 году. Все подразделения вошли в состав МВД.

и сахара). Будучи яркой и артистичной женщиной, она уже более трех лет умудрялась балансировать на заточенных ножах между обожанием и ненавистью. Остап внутренним чутьем ощущал в женщине опасность, но шарахаться от высокой, улыбочивой, по-кошачьему грациозной незамужней барышни было бы, как минимум странно. Остап с одинаковым успехом заходил «на кофе» и к Марине, и к Ольге, но если к первой его тянуло скорее из дружеских побуждений, то ко второй – именно, как к женщине, которую ты не видишь в качестве жены, но вот постель с ней разделить против не будешь. Сама блондинка лишь подстегивала его интерес своими манерами и шутками ниже пояса.

Остальные две вакансии в штатном расписании были плавающими. Периодически в отдел в усиление направляли оперов с Управления, но те надолго не задерживались, поскольку работать здесь было тяжело и медом явно не пахло. Вот и сегодня, как в основном, и всегда, пара стульев были пустыми, людей на должностях не было.

Получив свою порцию головомойки от «МММ», Остап решил, было, сразу отправиться в кабинет Алешина, но Максим Михайлович имел принцип всегда идти на ковер вместе со своими подчиненными сотрудниками, а сегодня и вовсе проявил чудеса заботы, предварительно руководителю отдела, позвонив. Тот к явному удовольствию Остапа сейчас оказался занят, и оперативник перед началом рабочего процес-

са остался у МММ на кофе.

– Ты что-то не важно выглядишь, Остап? – Максим Михайлович общался абсолютно спокойно, все его недовольство рабочими показателями Остапа, сошло, казалось, на нет.

– Да перебрал вчера, после этого гаража... Приехал домой ближе к вечеру, и ничего не смог с собой поделывать...

– Да я видел, Олеська фотки показывала, что думаешь-то?

– Да вы знаете, все не просто там, мне кажется. Я далек от мысли, что это несостоявшийся поджог с целью сокрытия или горячечный бред.

– То есть думаешь не разборки алкоголиков? М-да, давненько я такого не припомню.

– Лучше бы это были они, быстро бы дело закрыли (МММ при словах Остапа поморщился, он с молоком матери учил своих подчиненных, что уголовные дела не закрываются, а направляются в прокуратуру в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом), да и все, круг общения даже у бездомной выяснить при сильном желании можно. Но нутром чую, что этим все не ограничится, – неожиданно толи с похмелья, толи от открытой форточки, Остапу вдруг стало холодно, и он болезненно поежился.

– Да, только садиста-убийцы нам накануне закрытия года и не хватало, хотя и дело – то вроде не наше, а Управления, но все равно, приятного мало, начнут поручения слать, – вздохнул Максим Михайлович, но исходя из ритори-

ки, Остап уловил, что рабочие моменты, по всей видимости, его волновали больше смерти людей, – ладно, Остап, иди работай, материалы, ты, все-таки, прикрой, что сможешь, желания вешать на тебя взыскание и премии лишать перед новым годом, нет никакого, и так ведь не платят ничего. Что у тебя, кстати, с Олесей-то?

–А что? – сухо отозвался Остап.

–Да просто...

–Да считайте, что уже ничего, расстались пару месяцев назад...

–Эх, – «МММ» хмыкнул с видом рыбака, упустившего десятикилограммовую щуку... – Хорошая ведь баба-то, – Остап посмотрел на своего непосредственного руководителя и неожиданно заметил насколько тот выглядит уставшим: глаза болезненно блестели, кожа приняла странный серый оттенок.

–Максим Михайлович, не переживайте, все нормально!

–Да как за вас – оболтусов не переживать. У меня и есть-то жена вы да собака, детьми-то Бог не одарил, только Настины от первого брака, и те живут в Питере, – он вздохнул и стал еще мрачнее, – Все материалы закрыты только у Мишки с Антоном, а вы... Эх, ступай.

–Да ладно, вам, Максим... – начал было, Остап, но начальник лишь раздраженно отмахнулся от него рукой, и прошипел что-то вроде «Иди в жопу».

Про объяснение за опоздание старый бульдог, видимо, за-

был.

Остап вернулся в свой кабинет, и хоть сегодня в силу своего физического состояния работать был абсолютно не настроен, слова «МММ» странно подействовали на него. Стало неудобно перед немолодым руководителем, ведь тот, на сколько было известно Остапу, всегда защищал и отстаивал своих подчиненных, и не хотелось его лишний раз подставлять.

Остап углубился в чтение материалов и латание заплат по оним. Рапорта, справки, формальные ответы на поручения, постановления об отказе в возбуждении дел или продлении сроков проверок. Не то чтобы, работа сильно интеллектуальная, но необходимая для прикрытия собственной задницы. Через два часа плодотворного, но не безболезненного для головы труда, четыре материала из тринадцати были приведены в божеский вид, но несмотря на все желание, сосредоточиться до конца, Остап не мог. Не покидали мысли о произошедшем вчера преступлении, возникало желание поработать над версиями именно по нему, но в тоже время, хотелось взвыть от тоски, дело к его ведению не относилось. По непонятным для себя самого причинам, может пожаловаться, может просто отвлечься, он решил позвонить Оле-се, даже не надеясь, что та еще на работе, но ошибся. Недовольная девушка, как раз, по причине произошедшего вчера преступления, никак не могла до конца отчитаться перед Управлением, а отсутствие у нее на руках копий материа-

лов, которые так и не соизволил передать Всеволод Иванович Большаков, было лишним и гигантским препятствием. Взяв трубку, девушка сходу выпалила: «Че надо?», даже не разбираясь, с кем общается. Она устала и была в легкой ярости от тупости Управленческих клерков, уже несколько часов трясших с нее бумаги, которых у нее не было. -

—Олесь, ты как?

—Остап, да просто, ад (он, именно он, дорогуша, подумал про себя Остап), – заныла Олесь, – из-за одного старого напыщенного козла, который забрал материал, я не могу сменить. Так он, еще и издевается, и нашей дежурке сказал, что материал будет только через пару часов, которые случились уже четыре часа назад. Блин, я хочу спать, есть и в душ!

—Именно в этой последовательности? – попытался пошутить Остап, и, видимо, ему это удалось. Голос его бывшей девушки смягчился:

—Дай подумать, да, именно так, вернее нет, еще я хочу выпить, но это надо будет вклинить первым пунктом. Как ты? Вчера под конец ты совсем неважно выглядел.

—Да ничего, нормально, Олесь, а на память, сделаешь мне не учтенную фототаблицу, все равно ты ее делала для Большакова...

—Нуу, не знаааю, – растягивая слова ответила Олесь, – а какой резон делать ее именно для тебя, только краску на принтере переводить? – «Вредничает», – подумал Остап.

У него отлегло от сердца, пришло осознание того, что

впервые за два месяца после расставания, Олеся наконец-то начала успокаиваться и не принимать само его существование в штыки. А эта привычка девушки растягивать слова и изображать при этом задумчивость ударили в сердце смесью нежного тепла и небольшой толики разочарования и боли, оттого, что их союз и встречи прекратились. Отношения с Олесей, как и вообще, все свои предыдущие отношения, Остап складывал из разноцветных микроскопических кусочков мозаики, состоявшей из запахов, привычек, обрывков разговоров, сигаретного дыма на кухне, и всех других малюсеньких нюансов, отпечатавшихся персональным клеймом в его памяти и душе.

– Олесь, ну не знаю (девушка хихикнула с его пародии на саму себя), с меня «Лакомка» (это было любимое мороженое Олеси), или совместное кино – на «Джокера» (любимый ее персонаж), – Остап давно хотел этого примирительного киносеанса с девушкой в память об их страсти, и в надежде сохранить хотя бы приятельские отношения.

– Так его давно не показывают...

– Так мы найдем, где показывают!

– Нет, Лучше, «Лакомку», – грустно ответила девушка, – зайди через пять минут, распечатаю.

«Да с кинотеатром, видимо, все-таки был «борщ¹⁹», а ведь хотел, как лучше», – подумал про себя Остап, и в этот момент у него зазвонил мобильный телефон. К незнакомым номе-

¹⁹ Борщ – жаргон; переборщить, сказать лишнего.

рам Остап, как и любой человек, относился с недоверием, но все же ждал «подгона» от управленческих оперов в виде Бурбона, да и стопроцентных просрочек у него в наличии не было, и прокуратура позвонить была не должна. После долгого, тягучего раздумья, он поднял трубку:

– Алло.

– Остап Евгеньевич, я уж думал, что вы незнакомые номера не берете!

– Ну как видите, беру, – голос казался Остапу странно знакомым, но до конца он его не узнал.

– Я хотел ВАМ (слово прозвучало значительно, как будто укрыв, Остапа мягким пледом) предложить поработать вместе, – приятное тепло охватило лоб и грудь оперативника, и он абсолютно точно узнал голос старшего следователя по особо важным делам Большакова.

– Всеволод Иванович, – начал и тут же осекся он, – я бы с радостью, но не думаю, что меня...

– Я почему-то не думал, что вы откажете мне в любезности. Формальности будут улажены, как с административной, так и с процессуальной точки зрения, – Большаков, по ощущению Остапа, тут же сменил пригласительный тон на раздражение, и, казалось, для него было моветоном объяснять тупому провинциальному оперу такие очевидные вещи.

– Когда приступать? – выпалил Остап

– Я жду вас внизу, серебристая «Хендэ Соната», необходимо доехать до одного места, поедем вместе.

–Всеволод Иванович, тут такое дело, – Остап, на мгновение замаялся, но затем твердо сказал, – эксперт не может полдня смениться, нужны материалы.

–Какие материалы? А, точно... Как я мог забыть, работа... Совсем забыл, материалы надо отдать, чтоб их откопировали... Ох, беда... – следователь говорил скорее сам с собой, но в конце грозно спросил, – И что из-за этой ерунды сотрудника не отпускают после суток?

–Ну, как есть...

–Идите к моей машине за материалами, можете отдать в дежурную часть на копирование, никаких секретов там пока все равно нет, а сами потом ко мне, нам не долго. Да, скажите в дежурной части, что, если хоть один лист пропадет, я с них три шкуры спущу, а если эксперт не уедет домой через полчаса, взыскания получит все руководство, – голос следователя несмотря на агрессивную риторику в конце, был мурлыкающим и спокойным.

Через три минуты, Остап, чтобы не терять времени на беготню с материалами дела туда-сюда, сразу из кабинета выездного эксперта захватил с собой фототаблицы с места убийства. Также он взял с собой и саму Олесю до машины следователя. Он вручил кипу бумаг явно благодарной девушке, и когда та уходила подтянул ее за плечи к себе, и с видом страстного любовника шепнул эксперту на ухо:

–Про напыщенного козла ему передать?

– От тебя перегаром воняет, – с той же интонацией, что

и Остапа, шепнула девушка с улыбкой, после чего зашагала прочь, обворожительная даже несмотря на пару-тройку килограммов лишнего веса и дурацкую бесформенную экспертную одежду.

Остап, как будто, и не прощался с Всеволодом Ивановичем, на том точно также, как и вчера были песочных тонов пальто и шляпа чуть светлее. Пожилой следователь с явным удовольствием курил свои крепкие «Captain Black», и выглядывая из-под очков, выруливал с парковки на грязную ноябрьскую дорогу. Температура не была минусовой, к тому же прошел дождь, и вся поверхность дорожного полотна представляла собой грязную кляксу, нарисованную на сером мольберте сырого асфальта.

Некоторое время они ехали, молча. Остап никому не сказал о том, что выехал с отдела, время близилось к обеду, поэтому он был далек от мысли, что его хватятя.

Всеволод Иванович докурил сигарету и пристально посмотрел на Остапа:

–Какие идеи, Остап Евгеньевич? Что думаете?

–Ну проработкой версий, как таковых, я не занимался, не думал, что вам понадобится моя помощь.

–Если меня не устроит ваша трудовая деятельность, возможно, она и не понадобится, – пожилой следователь улыбнулся, пристально глядя на Остапа, а тот начал:

–В общем, сначала, все равно необходимо проверять круг

знакомств убитой, но я бы еще посмотрел по округе сводку, возможно, где-то и было что-то похожее. Сожжение, обезображивание тела, поджог.

– Мысль здравая, – усмехнулся Всеволод Иванович, – но семи пядей во лбу для мысли о проработке круга знакомств не требуется – это рутинная работа, верно? – Остапа за пять минут начала раздражать манера следователя, везде и всегда желавшего, по всей видимости, казаться выше над всеми, но он стиснул зубы и промолчал. Вообще Остап заметил, что сам он, особым паинькой никогда не бывший, в эту осень стал похожим на пороховую бочку, готовую взорваться от любой интонации в голосе собеседника или косога взгляда в свою сторону. Может виной была ненависть ко всему, что связано с Москвой, а может банальное отсутствие регулярной половой жизни. Хрен его, короче, знает.

– Давайте подумаем, Остап Евгеньевич, вместе, что же **МЫ С ВАМИ** (что же «**ТЫ ДУРЕНЬ**» моментально прочитал в интонациях Остапа) упустили?

– Ну и что же?

– Одежды на трупе не было, в гараже ничего, чтобы указывало на круг жертвы не нашли, верно?

– Ну, – не понял Остап, – сумка была...

– Верно, в сумке было...

– Вещи, сало, бутылка, справка, – пожал плечами Остап.

– Отлично, какими были вещи, Остап Евгеньевич?

– Ношенными, – и тут он, кажется, начинал понимать, что

от него пытаются добиться следователь, – чистыми! Вещи были свежевыстиранными, они пахли порошком или чем-то типа того, а она была бездомной, так? (Следователь удовлетворенно улыбнулся, продолжая слушать мысль Остапа) Где может постирать вещи человек, у которого нет жилья?

–И где же? – сверкнул глазами из-под очков следователь.

–Ну по такому холоду, да и вообще – в реке вряд ли, либо знакомые, либо какие-то социальные прачечные, либо социальные службы, либо... ммм, – Остап почесал выбритый подбородок. – Стоп, еще, как вариант, хотя...

–Продолжайте.

–Ну я так думаю, ставя себя на ее место, бездомные часто находят помощь в церкви, работают служками, что-то моют. И если в церкви есть хозяйство или сердобольный (Остап поморщился), м, персонал, то есть...

–Служащие, – поправил Всеволод Иванович

–Да, точно, кто-то мог бы ей помочь постираться. Выглядит, не абы, как супер-версия, но я, если бы был бездомным, даже, если бы не верил в Бога, пошел бы туда, – Остап закончил и машинально почесал затылок под шляпой.

–Стоит проверить, считайте это Ваше второе поручение, Остап Евгеньевич! – следователь подмигнул на секунду, оторвавшись от наблюдения за дорогой.

–А первое? – машинально осведомился Остап.

–Первое достать следы и отпечатки всех, кто вчера работал на месте, вы забыли?

Остап лишь поморщился, поскольку из интонации следователя моментально понял, что вопрос был риторическим. Уже через двадцать секунд задачи Большакова были внесены в мобильный телефон в качестве напоминаний. Остап с самого начала обратил внимание, что автомобиль следователя движется по маршруту патрульной машины, которая его привезла на место убийства.

–Мы едем на вчерашнее место происшествия?

–Да, отвлеченно ответил Всеволод Иванович, – видите-ли, преступники имеют иногда привычку возвращаться на место своих злодеяний.

–А зачем нашему злодею это делать?

–Ну, – поморщился следователь, – это только версия, он улыбнулся, – вы знаете, за годы моей практики, некоторые вещи делаются по наитию и, исходя из опыта, потому что мне так кажется, а не исходя из логики или обусловленности...

–В смысле, чуйка?

–В точку!

–И часто в вашей практике убийцы возвращались на место преступления? – Остап с любопытством посмотрел на пожилого испещренного морщинами сотрудника.

–Ну, разумеется, не всегда, но случаи такие были, причем, – следователь не весело ухмыльнулся, – причины всегда разные. – Кто-то хочет насладиться воспоминаниями, кто-то лишний раз проверить не оставил ли следов, кто-то просто пощекотать нервы, в общем, все индивидуально.

Автомобиль, не торопясь, лавировал между немногочисленных машин, стоящих на парковке жилого массива, расположенного неподалеку от места преступления. Был разгар дня, и Остап понимал, что, приедь, они сюда к его окончанию, на прилегающей территории было бы не протолкнуться.

Черт сегодня не работал, и Слава Богу. Он презирал это место каждой частичкой своего тела, хоть и считал его необходимым злом, в конце концов потребность в питании никто не отменял. Вчерашний виски болью отдавался в висках, во рту пересохло. Кроме того, его по-детски злило, что вчера его спугнули. Он старался, он готовился, вел преследование, а в итоге... Эх... Нет, кульминация, конечно, произошла, но сравнима она была, пожалуй, с моментом, когда ты приходишь к финишу вторым. Да, ты на пьедестале, да, ты второй, но не первый! Не первый, а ведь мог бы, если бы был лучше подготовлен. Разбитый нервный Черт с трудом поднялся с кровати и посмотрел на часы. На них было около одиннадцати утра. Решив не откладывать задуманное в долгий ящик, он выпил стакан воды, одел свою неброскую одежду, взял самый обычный пакет, в который положил небольшой ломик, и вышел на улицу – в паутину огромного всепожирающего тарантула, названного кем-то Москвой.

Именно в этом городе, Черт чувствовал себя, как лев в саванне, как акула в прозрачной и чистой океанской воде.

Хоть он родился и вырос не здесь, тем не менее знал каждый капилляр, каждую вену и артерию этого гигантского безжалостного организма. Чертк считал Москву идеальной. Несмотря на гигантские размеры, с его точки зрения, эта огромная медуза была лишена всего лишнего и всего личного. Она, как вселенная была всем и ничем одновременно. Черт вышел на улицу и вдохнул загазованный воздух. Он увидел серые многотонные тучи, казалось, свисавшие в метре от крыш домов, и почувствовал облегчение. Насколько он любил огонь, настолько он любил дождливую погоду, она умиротворяла его, тушила чувства, успокаивала...

Автомобиль Большакова почти бесшумно подъехал к шлагбауму, и несколько раз поморгал фарами. Из домика охраны неспешно вышел недовольный пожилой мужчина, которого вчера допрашивал Остап. Охранник вальяжно подошел к водительской двери и в довольно грубой форме осведомился о цели визита приехавших мужчин в гаражный кооператив, впрочем, служебное удостоверение, предъявленное Всеволодом Ивановичем, его быстро успокоило.

–Что-то подозрительное за сегодня видел? – решил на всякий случай через окно уточнить Остап

–Да, начальник, тут каждый второй подозрительный, кого тут только черти не носят, и наркоманы, и алкоголики, – покачал головой охранник

–Ну а меры-то какие-то предпринимаешь по задержанию?

–Ну а чего тут примешь, права-то, кого-то досматривать у меня нет, так... гоняем шпану всякую, а от кого-то ведь можно и самому получить, – характерным жестом охранник развел руки в стороны.

–Ну а по обходу, чисто все? Меня вчерашний гараж интересуе? – жестко спросил Остап

–Да ч-и-и-исто, – протянул охранник, – кому он теперь нужен-то, все уже сделано там-то.

– Когда обход делал? Хозяин не объявлялся?

–Обход до обеда в двенадцать где-то, а хозяина не, не видел.

–Если появится, позвони мне, – Остап протянул одну из последних визиток немолодому мужчине в боковое окно двери водителя, через Всеволода Ивановича.

–Да у меня послезавтра вахта заканчивается, но если что, я мужикам по смене передам

–Спасибо.

Охранник подался назад в свой домик, и вскоре шлагбаум открылся, впуская серебристую Хендэ Соната на территорию кооператива. Автомобиль двинулся в недра ржавеющих небольших построек, скрывающих тайны и добро людей ими владеющих, по направлению гаража, который фактически стал вчера и местом происшествия, и могилой, и пыточной, и крематорием.

Черт насторожился, по приходу сюда, он закрыл дверь и

воспользовался лампочкой освещения. Он до конца не понимал, что хотел здесь найти и зачем пришел. Помянуть не рожденное дитя огня? – Бред, оставьте это сектантам. Скорее детское любопытство, ведь когда-то давно, он все это видел и тогда. Тогда это сумело его освободить во всех смыслах этого слова. Радость освобождения! Да! Эту версию он оставил в качестве основной причины, но где-то, самым краешком своего сознания, он чувствовал, как подобно забившейся в угол мыши, дрожит в страхе быть пойманным. Он прогнал от себя неприятную мысль, и уже почти расслабился, как вдруг четко услышал негромкий, подобный урчанию большего зверя чем он сам, звук двигателя. Да, возможно, автомобиль подъехал к одному из соседних гаражей или вообще проезжал мимо, но Черт всем нутром от макушки до копчика почувствовал опасность. Спина стала предательски липкой, он начал метаться по гаражу и вдруг отчетливо услышал приближающиеся голоса, от ужаса его спина покрылась липким потом.

–Что-то не то! – зарычал Остап, уже на выходе из машины, замечая неладное. На земле валялись обрывки бумаги с пометками Министерства внутренних дел о том, что объект опечатан, а навесной замок, охранявший некогда гараж, убитым часовым, лежал на земле.

Остап подлетел к двери, на ходу одевая тканевую перчатку, и дернул за ручку, которая со скрипом ворчливой ста-

рушки в очереди в отделении «Почты России», неожиданно поддалась. Всеволод Иванович неся следом.

–Вскрыто, здесь кто-то был!

Несмотря на то, что теория Всеволода Ивановича оказалась верна, на лице пожилого следователя, обычно жесткого и самоуверенного, странным образом смешались испуг и недоумение:

–Остап Евгеньевич, тссс, – прижал он палец к губам и шепотом добавил, – ствол есть?

Остап обреченно покачал головой. По закону подлости, он не получал сегодня в дежурной части свое табельное оружие, а честно «отжатый» по одному из материалов травматический «Streamer 1014» оставил возле прикроватной тумбочки, когда собирался в полупьяном состоянии на работу.

–Что делать будем? – шепотом осведомился следователь

–Входить, – стиснув зубы, ответил Остап.

Он резко открыл дверь, и струя света мгновенно залила узкую щель тьмы, находившуюся напротив двери. Остап, включил фонарик на мобильном телефоне, и аккуратно вошел внутрь. Следом за ним скользнул, словно тень следователь. Мужчины некоторое время обшаривали гараж взглядами, но тот был тих, как преисподняя.

–Лампочка выбита, дверь открыта, – здесь были, причем, видимо, не так давно.

–Цоколь есть, а стекла нет, – следователь задумчиво поправил шляпу на голове.

–Если охранник делал обход около двенадцати, то времени прошло минимум три – четыре часа, – задумался Остап.

–Вы ЕМУ (Остап прочитал в этом слове разочарованное – этот пьяница мог соврать) верите? – следователь покачал головой.

–Вы правы, что будем делать?

–Эх и материалы-то я, старый дурак отдал в дежурную часть, хоть обстановку по фотографиям сверить.

–Стоп – Остап торжествующе поднял палец вверх, мне Олеся, ну, девчонка-эксперт, фототаблицу распечатала, она в машине, в папке.

–Отлично, – осклабился Всеволод Иванович, и на минуту стал похож на гениального сыщика из мультфильма про «Бременских музыкантов», – молодец, Остап Евгеньевич!

–Можно просто Остап и на ты, Всеволод Иванович, – оперативник был явно польщен комплиментом.

Он побежал в машину за фототаблицей и вернулся уже спустя сорок секунд. Мужчины вместе склонились над фотографиями и начали шарить светом фонарей по матовой тьме гаража. И в какой-то момент, пожилой следователь прошептал:

–Смотри! Следы новые, вот, вот и вот. Но никуда не ведут.

–По крайней мере, можно предположить, что именно эти принадлежат нашему злодею. Вор-то, вряд ли. Прямо стоял гараж, стоял, и именно после убийства кто-то решил сюда залезть, не взирая на печати полиции, сомнительно!

–Согласен, – коротко ответил Всеволод Иванович, давай сделаем дополнительный осмотр следов, чтобы приобщить их к делу, больше мы здесь уже ничего не узнаем.

–Да, эта сволочь, видимо, вообще больная на всю голову. В первый же день вернуться назад... Что он мог тут искать? – обратился к следователю Остап.

–Не знаю, я ехал, формально проверить, да с вами (прозвучало очень значительно), то есть тобой поближе познакомиться, – все, что он хотел здесь сделать, он должен был сделать раньше. А как оно на самом деле – кто его знает.

Мужчины, озираясь в темноте, подсвечивали сгущавшийся, казалось, ставший осязаемым мрак, который не проби-вал даже столб света, бивший по его центру из открытой д-вери. Всеволод Иванович уселся на табуретку, предваритель-но взяв из машины протокол осмотра места происшествия, и начал корпеть над ним, вплоть до сантиметров описывая вновь найденные следы и изымая их посредством фотофик-сации. Остап празднично оглядывался по сторонам и ощущал никуда за сутки не девшуюся гнетущую атмосферу места убийства, казалось, осьминогом обвившую воздух в гараже, когда понял, что у него есть еще одно незаконченное дело здесь. Он твердым шагом направился в сторону домика охра-ны, и едва поравнялся с курящим у порога двери немолодым выпивохой, от всей души вложил кулак тому в ухо. Мужчина охнул, и упал, закрыв голову руками

–Все хорошо, сука, говоришь? – процедил Остап,

–Ой, я, – мужчина был настолько напуган, что не мог связать и пары слов, а лишь хватал, словно рыба воздух, выпучив глаза.

–Когда обход делал, тварь? –Остап не со всей силы, но увесисто дал пинка под задницу, лежавшему охраннику.

–Я, ох, в семь утра, больше не ходил, – застонал мужчина.

–Что ж ты врешь, паскуда, мне? – еще один пинок, – мне, старшему оперуполномоченному уголовного розыска! Клоуна нашел? – еще один удар, на этот раз другой ногой в область рук, прикрывавших голову.

–Простите, пожалуйста-а-а-а, – подвывая, взмолился лежащий мужчина.

– Восстановление замка на гараже – это теперь твоя забота, понял, дерьмо? Понял? – перешел на рык Остап, отвешивая еще пару-тройку пинков лежащему на земле человеку, – Если завтра замок не будет висеть, ты у меня, как соучастник по убийству пойдешь, понял?

–Да, да, я все исправлю! Сегодня же исправлю!

Остап со всей силы пнул мужчину еще раз, после чего сплюнул на землю рядом с избитым и, как будто ничего и не произошло, побрел назад к гаражу, где следователь дописывал протокол. От применения насилия стало как-то чуть полегче на душе, и несмотря на то, что Остап понимал, что данный факт его не красит, поделаться с этим ничего не мог. Кроме того, ну ведь правда же заслужил, не так ли?

–Остап, надо бы как-то гараж закрыть? – заканчивая про-

токол по-житейски, заволновался Большаков.

– Уже, Всеволод Иванович, охранник, починит, договоренности достигнуты, – улыбнулся оперативник.

– Эх, чувствую, сработаемся, – засмеялся пожилой следователь.

Мужчины покинули гараж, захлопнув за собой дверь. Некоторое время спустя раздался звук заводящегося двигателя, и машина тихой поступью удалилась из муравейника гаражного кооператива. Ни первый из мужчин, обладавший, как показалось по голосу, властью, интеллектом и мудростью, ни второй, похожий речью и манерами на бойцовскую собаку, не почувствовали присутствие Черта, вспотевшего от страха, загнанного в угол и готового в случае обнаружения кинуться, как крыса, сидевшего в шкафу, и сжимавшего в порезанных руках уже остывшие осколки лампочки, висевшей всего полтора часа назад над потолком.

Хендэ Соната мчался сквозь серость Московских улиц к Отделу внутренних дел, где работал Остап. За время поездки, мужчины не обмолвились ни словом. Каждый переваривал произошедшее по-своему. Остап был рад предложению Большакова поработать и вполне отдавал себе отчет, что работа по этому делу вполне может послужить трамплином в его дальнейшей карьере в Москве, причем – он как сможет

перелететь эту воображаемую пропасть и оказаться в Дамках²⁰, так и рухнуть на самое дно, в случае, если с поставленными задачами он не справится. В то же самое время, Остап не испытывал никаких мук совести, считая Большакова трамплином, ха. Любой бы схватился за эту соломинку.

Погруженный в свои мысли Остап не заметил, как они подъехали на парковку, расположенную перед райотделом, а пожилой следователь приглушил двигатель и из-под очков пристально уставился на Остапа:

–С поручениями тебе все понятно?

–Прачечная, следы, хозяин гаража, круг общения жертвы, – лениво протянул Остап.

–Верно.

–Только вот завтра суббота, по следам точно всех не найду, у людей – отдых, прачечная – не дело пары минут, в общем, не все может получиться, – Остап развел руками, – да и сроки по материалам с меня никто не снимал, все равно завтра сюда выходить работать.

–Завтра ведь и правда суббота, – грустно сказал Всеволод Иванович. В какой-то момент Остапу показалось, что глаза старика стали чуть грустнее, а зрачки больше. Вы, то есть ты, по крайней мере, попробуйте, если что, я доступен двадцать четыре часа в сутки, но сам до понедельника дергать не буду. По поводу сроков по материалам, потерпи до понедельника, я подумаю, как лучше донести нашу позицию до

²⁰ Дамки – из шашек.

руководства, – Всеволод Иванович сверкнул глазами из-под очков, видимо еще не привыкнув, что называет Остапа на «ты», – Что, кстати, за люди?

–Ну начальник розыска Марков Максим Михайлович, начальник отдела Алешин Сергей Анатольевич, – спокойно ответил Остап, – а про начальство, я привык, либо хорошо, либо никак.

–Это правильно. Ну, Маркова-то я знаю, хороший был опер, въедливый, пересекались, пару раз, когда он в центре работал еще в союзное время, как раз, где-то в перестройку, а второй, хрен его знает. Ладно, это не твоего ума дела, подумаю.

–Понял, – Остап, поправил шляпу, которую не снял ни разу за время общения и протянул руку для рукопожатия, после чего, выпрыгнул в сумрак темнеющего города, как вдруг его окликнул следователь:

–Остап, материалы в дежурной части заберите, почитаете на досуге, покумекайте, к чему мы можем привязаться? – Всеволод Иванович хитро улыбнулся.

Остап кивнул и, на ходу закуривая сигарету и улыбаясь в пальто, двинул к отделу. Все у этого старика, как бы невзначай, «посмотри, покумекай», Он докурил сигарету, глядя как габаритный Хендэ Соната, серебристой белугой, покидает сеть районного отдела полиции, после чего зашел в его чрево.

Вечером, сдав на проверку все подготовленные материалы, досидев, до окончания рабочего дня, Остап решил-таки прыгнуть в пучину вечернего города, причем сделать это максимально аккуратно, дабы умудриться завтра выйти на работу для приведения в порядок остатков бумаг и отработки хотя бы части поручений Всеволода Ивановича.

Марины на работе уже не было, Олеси – тоже, идти на кофе к роковой Ольге не хотелось, поэтому Остап, едва была проведено пятичасовое оперативное совещание, прячась по коридорам от Максима Михайловича, вынырнул в тягучую атмосферу вечернего города, и умышленно оставив автомобиль на парковке районного отдела, отправился в один из местных баров, который наиболее радовал Остапа антуражем и публикой. Оперативник переживал, что заведение просто на просто «не переживет» введения режима повышенной готовности²¹, но к его большому счастью, после снятия ограничений с баром все было в порядке хоть и значительно вырос ценник.

Москва – город – средоточие. Москва – это все и ничто одновременно. Здесь находится сливное ведро для тысяч культур, миллионов менталитетов и миллиардов мыслей. Найти здесь хотя бы один бар себе по душе – задача не такая уж и сложная, другой вопрос, что во время поисков оно может

²¹ Режим повышенной готовности – меры Мэра Москвы, введенные в связи с распространением COVID-19 Указами 12-УМ и 68-УМ. Затронули фактически все сферы производства, государственного управления и бизнеса. Заключались, по большей части, в ограничении работы объектов с большим стечением людей.

произойти все, что угодно в разбеге от секса и последующей свадьбы до ножа в печень и последующей смерти.

Остап не любил пивные рестораны, точно также он ненавидел и всевозможные восточные забегаловки. Он любил виски-бары, но не ирландского формата, где всю ночь играет непонятный фолк-панк и люди придаются веселью плясками на столах и барных стойках. Остап любил тихие прокуренные местечки, покрытые поволокой дыма, с приглушенными беседами и тихим джазом или фанком, добавляющим прекрасную терпкость к времяпровождению здесь. Таких мест было совсем немного, в связи с запретом табакокурения в общественных местах, но кое-что найти было можно, и пара-тройка лаунж-баров в центре города умудрялась закрывать на запреты глаза.

Сегодня Остап решил направиться в район Маяковской, для чего взял такси. Он потягивал импортные «Marlboro», смакуя третью порцию хоть и недорогого, но любимого «Maker's Mark», когда один звонок поверг его в легкое недоумение. Звонила Марина, и Остап хоть и относился к девушке с уважением и некоторой влюбленностью, тратить свою пятницу на нее не хотел, по одной простой причине, что «все равно ведь не даст». С другой стороны, оперативник понимал, что не ответить он не может, вдруг у нее в этот тоскливый ноябрьский вечер что-то случилось, и она рассчитывает на помощь своего друга, а тот, лакая бурбон в сомнительном баре, даже не протянет руку помощи.

– Алло, – Остап постарался, чтобы голос звучал непроницаемо и глухо.

– Чикаго, привет еще раз, чем занят?

– Да так, ничем, ты выпалась? У тебя что-то случилось? Выздоровела? – непонятное ему самому тепло и некоторый трепет разошлись по телу от груди к животу, а затем и ниже, хотя может быть это всего лишь виски дошел до места назначения.

– Выпалась, заболеть не успела, благодаря тебе, ты принял удар на себя. Ты знаешь, нет, особо ничего не случилось, я...

– Я просто несколько удивлен, что ты звонишь, а не пишешь сообщения, Расскажи мне, где-то сдох какой-то редкий зверь?

– Ну я же знаю, что ты, вероятнее всего, где-то выпиваешь, возможно, даже с кем-то, и мои сообщения заметишь только ближе к обеду следующего дня. Я тут подумала, твое предложение на счет совместного распития бутылки в силе?

–Эмм...

–Только ничего такого не подумай, я по-дружески, плюс расскажешь мне про вчерашние гаражи...

– Ну дело в том, что я в баре, а где ты хочешь пересечься?

– Ну вообще, лучше бы у меня дома, я никуда ехать не планировала, я просто не люблю это все... эм, ну кафе там, клубы.

Остап призадумался, с одной стороны, уезжать из этого

атмосферного прокурорного места ему никуда не хотелось, да и виски только начал обогреть ему тело и душу, с другой стороны, Марина, как ни крути, хорошая собеседница, да и до дома от нее было поближе (Остап не рассчитывал на секс с ней). К тому же, у Марины была хорошая думающая в оперативном ключе голова, вдруг у нее и вправду найдутся какие-то соображения по вопросу убийства. Понятно, что он еще фактически и не приступил к расследованию, но тем не менее, вдруг она что-то предложит.

– Ау, Чикаго... Ты чего молчишь?

– Так, и что там за виски у тебя? – Остап, даже не видя Марину, почувствовал, как та улыбается и улыбнулся сам.

– Ну, ты знаешь, с тех пор, как я стала с тобой общаться, я довольно осведомлена в этом вопросе, я знаю, что ты любишь Бурбоны, и несмотря на дешевизну и то, что некоторые эксперты, не считают «Early Times» таковым, семисотграммовая бутылка, мирно охлаждается в ожидании тебя. Но это еще не все, Чикагушка! С какого-то праздника у меня есть еще бутылка «Ballantines», еще есть какая-то текила, ну «Бэйлиз» – это скорее для меня, еще...

– Достаточно, я понял, адрес напиши, чтоб я смог такси вызвать. – атмосфера атмосферой, алкоголь алкоголем, но встретиться с этой худенькой девушкой Остапу неожиданно и вправду захотелось. – Что-то купить?

– Из еды есть только тортик.

– Ладно, закажем пиццу или что-то такое, я знаю, что го-

товить ты не любитель.

– Устами младенца... – начала, было, Марина, но Остап, спародировав ее традиционное «Ой всё», повесил трубку.

Девушка будет его ждать, а пока у него еще есть время, на стакан виски и вызов такси. Неудобства относительно того, что приедет слегка пьяненьким Остап не испытывал, они достаточно хорошо друг друга знали.

По пути к Марине, колеся на раздолбанном «Соляри-се» по улицам, Остап в знак дружбы и галантности все же попросил Рохматулло (так звали понаехавшего таксиста) остановиться возле цветочного магазина, где купил Марине небольшой, но симпатичный букет-композицию с преобладающими фиолетовыми цветами. Далее, маршрут до небольшого американского ресторанчика неподалеку, покупка сочных бургеров и пары стейков. Марина обожала мясо. В итоге к ней домой он попал около одиннадцати вечера.

Девушка жила с родителями, но, как она сказала позже, те уехали на выходные в какой-то санаторий во Владимирской области, соответственно квартира пустовала. Само жилище представляло собой не очень большую двухкомнатную «Брежневку» в старом доме. Прихожая, проходной зал, из которого можно было попасть в маленькую комнату, где обитала сама Марина совмещенный санузел, небольшая кухня, балкон в зале. Дома пахло советским уютом, ремонт хоть и обновлялся в двухтысячных, выглядел очень экономным

и даже немного поизносившимся. В зале тикали советские настенные часы марки «Янтарь», на полу лежал вышедший из моды ковер, в серванте со стеклянными дверцами музейными экспонатами ютились хрусталь и различные памятные статуэтки.

Сама Марина была одета в черное платье, темные колготки, и розовые тапочки в форме зайчиков. Голова была вымыта, темные длинные волосы расчесаны и даже слегка уложены, губы накрашены алой помадой, ресницы подведены. Остап никогда бы не подумал, что Марина может так красиво одеться, она была хоть и симпатичной и милой, но все-таки серой мышкой, трудоголиком, проводящим большую часть своего времени среди папок и бумаг перед монитором. Казалось, ей не было особого дела до своей внешности, но сегодня Остап был приятно удивлен и даже немного шокирован, ведь даже грудь у девушки, обычно скрытая бесформенными кофтами и толстовками, оказывается, была. Марина просияла, получив цветы и поцеловала Остапа в щеку, а тот почувствовал, как в джинсах растет напряжение. Следом, Остап неловко протянул девушке бумажный пакет с гамбургерами и стейками, и им Марина по ощущению обрадовалась не меньше чем цветам. Остап снял пальто, бережно отряхнул шляпу от влаги, разулся и с удовольствием обул домашние тапочки, любезно предоставленные Мариной с легким реверансом в его сторону. Они прошли на кухню.

– Ты круто выглядишь, детка, – констатировал факт

Остап, пародируя мачо из голливудских фильмов

– Знаешь, Чикаго, захотелось чего-то, хм, – девушка слегка покраснела, – даже не особенного, а выходящего за рамки моей зоны комфорта.

– Не понял, – честно ответил оперативник.

– Ну, я же никуда не хожу, парня у меня нет, клубы тоже не мое, да даже подруг почти не осталось, все либо с детьми и мужьями, либо наши пути разошлись, либо... (девушка улыбнулась) они сторчались²² (Остап улыбнулся в ответ). Вот и захотелось с кем-то провести вечер, выпить, поболтать, и я вспомнила о твоём предложении.

– Да ты прямо-таки сегодня роковая красотка, Марин, – он хитро подмигнул, девушка вспыхнула, как красный свет светофора.

– Я, – она подбирала слова, – решила тебе угодить, я же знаю твои нуары, ну всю эту скучную чушь (она улыбнулась, а Остап изобразил возмущение), вот и подумала, что тебе такое понравится, и, возможно, не будет со мной скучно.

– Да мне с тобой никогда не бывает скучно, – начал Остап, он ведь и правда никогда не был с ней наедине окромя рабочих стен.

– Ага, врун, если посчитать сколько кофе ты выпил со мной, а сколько с этой, – Марина закатила глаза, – дурой, которая на оперативках Шерон Стоун в Основном инстинк-

²² Сторчались (жаргон) – погибли от передозировки наркотических средств или психотропных веществ.

те косплеит²³(Остап откровенно заржал, Ольга и впрямь любила перекинуть ногу с одной на другую, а ее юбки длиной не отличались), то счет будет примерно тонна против литра в ее пользу.

– О, ревность, – ехидно ухмыльнулся Остап, желая чуть подзадорить Марину.

– Дурак, – закатила глаза Марина, наливая в правильный квадратный стакан Остапу виски.

Он махом выпил полстакана любимого напитка, Марина, не отставая от него, осушила стопку «Baileys», и тут же запила ее растворимым кофе с молоком.

– О, а ты мадам знает толк в алкоголе, – улыбнулся Остап.

– А то, – Марина начала доставать из бумажных пакетов принесенные Остапом запасы еды, и через сорок секунд с удовольствием уплетала самый здоровый гамбургер, который нашла в пакете, ни капли, не стесняясь того, что сок с мясной котлеты течет по рукам.

–Ну рассказывай, что там было в гаражах, – проговорила Марина с набитым ртом.

Остап добавил в посуду алкоголя:

²³ Косплеит от английского Cosplay – Перевоплощение в различные роли, заключающееся в переодевании в костюмы и передаче характера, пластики тела и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов, аниме и манги. Как правило, это увлечение включает в себя изготовление костюма и элементов атрибутики выбранного персонажа. Имеет некоторую связь с ролевым движением, а также с исторической реконструкцией. Явление изначально японское, но ныне модное по всему миру.

– Марин, где курить?

– Ну вообще, балкон, но сегодня, хрен с ним, кури тут, еще только пятница, успею проветрить. Но знай, что, в принципе, я рискую жизнью ради твоего комфорта, потому что, если мама узнает, она меня повесит во-о-н на той старой люстре.

– Точно можно?

– Точно, дай насладиться едой.

Остап улыбнулся Марине и с удовольствием закурил сигарету, после чего неоднократно подливая им алкоголь в посуду, детально изложил все события, связанные с гаражом, не утаил он и предложения Большакова, и пятничную поездку в гараж. Марина умела хранить секреты. Девушка, забыв про еду, и с открытым ртом слушала Остапа.

– Тебе сам Большаков предложил в группу войти по расследованию? – ее глаза были широко раскрыты, зрачки от воздействия алкоголя расширены, накрашенные ресницы распахнуты, рот приоткрыт, она покрылась румянцем, и Остапу, толи от воздействия алкогольных паров, толи просто так, Марина показалась еще красивее чем, нет, просто еще красивее. Он держал себя в руках, но с каждой минутой хотел ее все сильнее.

– Да, тебе он знаком?

– Ну вообще да, мы пересекались пару раз, говорят, он – легенда, мое же общение с ним свелось к просмотру карточек криминальных трупов, – Марина сама налила алкоголь и

себе, и Остапу, у которого уже фактически закончилась бутылка «Early Times».

– И как впечатления? Что вообще думаешь?

– Ну от него впечатления, как о въедливом пожилом дядьке, он, следственным путем, себе тогда еще два эпизода нарисовал, расследовал дело какого-то маньяка, трупы установил, вину злодея доказал, а самое главное, то что его сделало просто душкой, он оба раскрытия по эпизодам поставил по карточкам мне, – девушка засмеялась, и закурила сигарету, – я эти «палки» скрыла до конца месяца. И короче, представляешь, как обычно, кровь, смерть, кишки, все плохо, отдел в заднице, и тут я, такая, хлоп, в белом пальто стою красивая, и четыре эпизода – два по изнасилованию, два по убийству, ах-хах-ха. Алешин, только пришел тогда, был в ярости, он-то хотел всех нагнуть и наказать, а мы за счет раскрытий убийств выстрелили и обогнали даже Убойный отдел Управления. Ему звонит начальник Управления и орет, типа, какого хера, ты вперед бабки в пекло? Ой, я, конечно, получила знатно тогда, но насколько мне было приятно умыть Алешина, и Люду эту сраную, и МММ, да что там МММ, систему! – девушка победоносно подняла вверх указательный палец и засмеялась, а затем уже спокойнее продолжила, ее язык чуть заплетался, – а вообще, Остап, иди к нему!

– Сейчас? – уточнил Остап

– Нет, конечно, когда рабочая неделя начнется, дурак, а знаешь почему?

– Почему?

– Да потому что ты об этом мечтал, Чикаго! Человек имеет право на счастье, – девушка икнула.

– По-твоему это счастье ловить убийц? – удивился Остап, наливая себе и Марине «Ballantines», поскольку остальной алкоголь, стоявший на столе, у них закончился.

– Ну, я это, ик, фигурально... ну ты понял. Ой, слушай, я что думаю, у меня приятельница Полина Ищенко в ЦОРИ...

– Отличная фамилия, для опера, – Остап засмеялся.

Взгляд Марины неожиданно прояснился:

– Так вот, если ты ей отправишь бумажный запрос, она скорее всего ответит, что ничего не нашла и не установила. А вот если ее попрошу Я (Марина ткнула себя пальцем в белую кожу груди на уровне выреза платья), она сможет покопать сильнее на предмет похожих преступлений и лиц, которые их совершили. В базе может не быть информации, которая есть у нее на бумаге, она – тот еще Плюшкин²⁴ – девушка закончила фразу и взгляд вновь покрылся масляной алкогольной поволокой.

– И что-же сделаешь?

– Разумеется.

Они сидели на кухне, пьяные, но довольные друг другом. Что чувствовала Марина, Остап не знал, но он чувствовал

²⁴ Плюшкин – Вымышленный помещик, выведенный Н. В. Гоголем в главе шестой первого тома «Мёртвых душ». Его фамилия стала нарицательной для обозначения болезненной скупости и накопительства.

тепло и уважение, которые в этот момент в недрах его сознания пинались ногами желания трахнуть эту молодую оперативницу прямо здесь и сейчас.

Они проболтали еще около двух часов. В калейдоскопе общения, темы варьировались от первой любви до поэзии, и от рабочих сплетен до трудностей строительства отношений. Ему было хорошо и легко, он не испытывал ни трудностей в общении, ни желания ей угодить, с Мариной все казалось на удивление простым и понятным. Обычно стеснительная и скованная, она, как бутон цветка начала раскрываться навстречу Остапу, он ощущал этот аромат каждой частичкой своей кожи от затылка до кончиков пальцев ног.

В какой-то момент Марина поднялась с насиженной табуретки и взяла пустые бутылки, стоявшие на столе, чтобы отнести их до прожорливого мусорного ведра, традиционно обитавшего в ящике под раковиной. Когда она проходила мимо Остапа, ее мотнуло в сторону, и девушка неожиданно и для себя, и для мужчины оказалась у того на коленях. Остап одной рукой приобнял ее за талию, в то время, как другая, легла Марине на бедро. Рукой через тонкую ткань платья Остап почувствовал, что на девушке чулки, а вовсе не колготки, как он подумал изначально. Подготовка или совпадение?

Марина некоторое время затуманенными серыми глазами смотрела на Остапа, а затем предварительно поставив бутылки на стол, обвила руками его шею и нежно поцеловала. Гу-

бы алыми лепестками скользили по грубой коже его лица и носа. Остап ответил девушке, но та в какой-то момент оставилась.

– Чикаго, я совру, если скажу, что этого не хочу, но, пожалуйста, давай не сегодня, позволь мне сохранить хотя бы остатки гордости... На первом свидании – это блядство! Вот! Она чмокнула его в не раз поломанный нос.

– Конечно, моя королева, – ответил Остап голосом главного героя бульварного американского нуара, опутанного чарами роковой красотки (Ох, как тяжело ему далась эта фраза), – но я надеюсь на продолжение... Желательно скоро.

– Проводи меня до кровати, я боюсь, что не... дойду, – Марина сглотнула слюну, и, нехотя поднялась с коленей Остапа, он был уверен, что все это время она чувствовала его эрекцию.

У него не было секса почти месяц, но дружба, как оказалось, была пока в приоритете. Он отвел оперативницу в зал и, не снимая с нее одежды, уложил на диван ее родителей, укрыл одеялом, и уже через пару минут девушка умиротворенно посапывала, наблюдая сны, как он надеялся только самые приятные. Он некоторое время посидел на кухне, после чего взял со стола остатки «Ballantines» и выпрыгнул в мутный темный океан большого города.

Он хотел, было, вызвать такси, памятуя о том, что зав-

тра планировал выйти на работу, но ехать никуда не хотелось. Впервые, за долгое время, может от приятных эмоций от встречи с Мариной, может от воздействия алкоголя (хотя пил он фактически каждый день), может от морозного воздуха огромного города, на кожу которого белым пеплом неожиданно выпал снег, он смог хотя бы на несколько минут влюбиться в Москву.

Так он и сидел перед подъездом, потягивая остатки виски из бутылки и созерцая невнятный шум и гул города, изредка мешавшийся с недовольным клекотом клаксонов и ревом мигалок. Город почему-то и не думал засыпать, а Остап вскоре все-таки вызвал такси и отправился домой, где, по традиции, в обнимку, с бутылкой, задремал, в пятый раз пересматривая «Драйв» с Райаном Гослингом.

Остап проснулся около одиннадцати утра в сидячем положении, нашел в телефоне сообщение с извинениями за плохое поведение от Марины. Попытки дозвониться до девушки успехом не увенчались. Он принял душ, съел остатки задохшей пиццы из холодильника, выпил кружку горячего растворимого кофе. Желания жить и тем более работать это не прибавило, голова традиционно после пятницы гудела от количества выпитого, хотелось опохмелиться, но Остап пресек это внутреннее желание, хоть и решил отложить поездку в отдел до вечера.

Голову не покидали воспоминания о вчерашнем вечере,

он оставил терпкие теплые воспоминания с небольшим налетом кофейной горечи и разочарования. Разочарование было вызвано, не Мариной, разумеется, нет, скорее упущенными возможностями и тоской, он скучал по ней, хотя это для него было совсем несвойственно.

Промаявшись до четырех дня, Остап принял таблетку «Антиполицай», на случай, если вдруг в отделе неожиданно решит поработать кто-то из руководства, и выдвинулся из квартиры.

Заснеженная Москва выглядела чуть веселей чем обычно, снег нельзя было назвать первым, он уже выпадал в начале октября, но был шанс, что именно эти белесые и не успевшие покрыться грязью хлопья станут для кого-то началом новой сказки, легенды и истории. Сам Остап в сказки, разумеется, давно не верил, и по его личному наблюдению, «стакан был скорее пуст» уже года четыре.

До работы пешком было около тридцати пяти минут, он решил прогуляться, чтобы заодно проветрить голову. Именно сегодня, на улицах, проспектах и в дворах было почему-толюдно: дети играли на площадках, в скверах целовались парочки, даже вездесущие вороны горланили не так зловеще, как обычно.

Уже издали, находясь за оградой отдела, он заметил укоризненное выражение заснеженных круглых фар его черного «Фольсваген Гольф» одна тысяча девятьсот девяностого года выпуска. Эту красавицу (да-да, Остап отождествлял ма-

шину именно с девушкой) он приобрел сразу по приезду в столицу, на деньги, вырученные от продажи предыдущего автомобиля и жалования, которое получил по увольнению с последнего места работы. Он сразу влюбился в эту крошку. Почувствовал некую связь с ней, и относиться, как к вещи, не мог и по сей день. Вот и сейчас, он подошел к автомобилю и обмолвился с ним парой слов, извинившись за свое вчерашнее поведение. Затем открыл водительскую дверь и, достав щетку, любовно смел с черного корпуса и фар снег. Далее на всякий случай завел двигатель проверить не промерзли ли тот за ночь, и лишь убедившись, что машина больше на него не обижается, отправился в отдел.

Внутри было пустынно, работала лишь дежурная часть, да круглосуточные наряды патрульно-постовой службы. Дежурной следственно-оперативной группы видно не было, то ли они были на выезде, то ли закрылись по кабинетам и занимались своими делами.

Остап открыл дверь в свою берлогу, стряхнул со шляпы и пальто снег, после чего с нежностью определил их место на вешалке. В кабинете пахло смесью пота, пыли и бумаг. Остап открыл форточку окна, за что он всегда любил работать в выходные, так это за возможность покурить в кабинете. Его кабинет, по причине того, что был введен в эксплуатацию на месте какого-то служебного помещения, единственным в отделе, не обладал системой пожарной сигнализации, поэтому, работающие в выходные сотрудники с упоением проводили

свое время в кабинете Остапа с сигареткой, а иногда и не только с ней.

Остап машинально нажал кнопку включения компьютера и удовлетворенно закурил. Первое, что он решил сделать – это закрыть еще несколько материалов, ради старика МММ. Работа была рутинная, но необходимая. Остап поставил электрический чайник и погрузился в чтение. Уже через пару часов благодаря смекалке было побеждено аж три мелких дельца, которые можно было передавать в следствие для возбуждения бесперспективного уголовного дела, и Остап, посчитав, что трудовая повинность выполнена принялся за формирование подборки убийцы-поджигателя.

Он полностью откопировал материалы дела, оставленные Всеволодом Ивановичем и погрузился в чтение. Что он имел на сегодняшний день: версий пока было четыре. Он взял чистый лист бумаги, и разделил его вертикальной полосой на две равных части... С одной стороны, Остап писал версию, а с другой – небрежным почерком то, что может сделать для ее проверки, через какое-то время, он имел перед собой примерно следующую таблицу.

это мог сделать кто-то из круга общения убитой.

Опросы, отработка этого долбанного круга, наведение справок, запросы по месту жительства, регистрации, поговорить с участковым, хозяин гаража?

Серийный маньяк (только бы не он)

ЦОРИ, спросить у Марины, найти в ГЛАВКе нормального аналитика, ступор... (в этот момент Остап подумал, что он никогда не расследовал дела подобного рода, и опыта ему в этих вопросах явно не достает)

Психопат

Запросы в «дурки», а там посмотрим...

База ЦОРИ – дела, по которым вынесено решение о ПММХ (принудительные меры медицинского характера) по Москве за последние лет десять... Сложно, но можно.

Тюремные друзья

Смотри первую версию, а там посмотрим...

На всякий случай оперативник добавил в первую версию – мотивы ревности и долгов, хотя куда там. Убивать из-за ста рублей, лучше уж просто опустить почки, отоварить по первое число, чтоб к утру получить долг, с мертвого-то какой толк.

Версия про «тюремных друзей» к Остапу пришла в последнюю очередь, но даже, если это было бы так, как в этой, так и по всем версиям, убивал и жег женщину – человек с явными отклонениями в психике. Чтобы убедиться в этом, Остап еще раз взглянул на фотографии, сделанные Олесей.

Дальше он позвонил участковому Паше Сафонову и по-

просил пробить, знает ли кто-то из его коллег по цеху убий-
тую.

– Паш, ты только не свети особо, что она уже покойница, нездоровый интерес вызовет, что я этим занимаюсь, хоть и не должен, и по отделу разлетится, сам знаешь, хорошо?

– Да понял я, ну руководство-то про убийство знает, а вот участковые пока не все, потому что, кто в дневную, кто в ночную, но я поспрашиваю аккуратненько.

Остап поблагодарил приятеля – участкового за помощь и положил трубку. Конечно, в понедельник можно будет уточнить информацию кто на женщину составлял протоколы, но Остап подумал, что по звонку это сделать быстрее.

Павел отзвонился через полчаса:

– Ну, короче, Остап, у нас в отделе девчонка эта знакома, действительно по договоренности, и при должном подогреве, она без проблем подписывала административные протоколы, составленные на нее...

– А кто чаще всего с ней общался?

– Чаще всего, Женька Ефремов, она к нему отмечаться ходила, как условно досрочно освобожденная.

– Ну – понятно, – мягко сказал Остап, – доверительные отношения сложились, может и «постукивала» по мелочи, ты мне можешь дать мобильный телефон Ефремова?

– Он тебе позвонит где-то через час-полтора, как из-за руля выйдет, жену куда-то повез, – Паша откашлялся в трубку, – я ему сказал, что дело – дрянь, он, по-моему, в шоке

был, молодой еще, ты там не дави на него особо, нормальный парень.

–Я тебя услышал, спасибо за помощь, на связи, – он положил трубку.

Хоть какая-то зацепка относительно личности убитой, ведь до этого момента, у него не было ни единой души, которая бы общалась с Анной Япуряну.

Остап подготовил запросы о судимостях убитой, формальность, но тем не менее необходимая, а затем принялся искать вчерашний день, в поисках следов людей, которые работали на месте преступления. На удивление, несмотря на субботу, и в дежурной части противопожарной службы, и в пункте скорой помощи, ему вежливо предоставили все данные, а с большей частью людей и вовсе удалось поговорить, и они честно пообещали выслать к понедельнику фотографии следов своей обуви. Остап честно выполнил это поручение следователя, хотя сам, почти не сомневался в том, что интересующие их следы – были обнаружены ими в пятницу, во вскрытом гараже.

Где-то через пару часов, когда он уже собирался домой позвонил участковый Ефремов, изрядно напуганный, почти до заикания:

–Осс-тап Евгеньевич, это лейтенант Ефремов, мне Паша Сафонов сказал вам набрать, там, что-то с Анной, в смысле, не совсем хорошее...

–А, да, привет, – по-свойски начал Остап, – ты ее когда

последний раз видел?

– Да в среду видел, отмечаться она приходила, – участковый явно не понимал к чему вел оперативник, он еще за время работы не успел поднабраться правильной участковой наглости, и спросить о судьбе женщины, толи не подумал, толи боялся.

– Да убили ее, Жень, я слышал она твоим была человеком?

В трубке повисло молчание, пока наконец, участковый, видимо, не осмыслив полученную информацию, не переспросил:

– Как убили? За что? Не понимаю, она же безобидная была совсем.

– Жень, давай по телефону это не будем обсуждать, у тебя нет времени подъехать куда-нибудь переговорить?

– Да я жену только к родственникам увез, в Можайск.

«Та еще жопа мира», – подумал про себя Остап.

– Ну тогда давай хоть по вацапу созвонимся, а то мало ли кто нас слушает. Набери мне на этот же номер. Через минуту Остап и молодой участковый уже снова находились по разные стороны разговора, и Остап взял инициативу в свои руки:

– С кем она общалась, где жила не знаешь?

– Да особо ни с кем, – грустно ответил участковый, – ну пила, но она тихая была совсем, не наглая, даже денег не попросит лишний раз. Жила, да я точно не знаю, но если она

мне нужна была, я через батюшку в церкви на районе на нее выходил, может там и жила где-то?

– Она набожная была?

– Да, вроде бы, ну не так чтобы прямо это заметно было, – Остап услышал, как на другом конце трубки, участковый прикурил сигарету и глубоко затянулся, тоже сделал и он сам, – а что за церковь не знаешь?

– Да на районе, у нас, новая относительно, кажется, маленькая такая, там, кстати, подсобное хозяйство есть, может там и жила и вправду.

– Это которая, от метро метров в пятистах, в сторону области?

– Да, да, я просто в церковных делах не особо...

– Жень, а скинь мне номер батюшки, или через кого ты там ее ищешь, когда нужна? – Остап не вынимая сигареты из зубов, принялся искать расположение церкви на карте, висящей на стене.

– Да само собой, сейчас скину, отец Андрей, но его там может уже и не быть сегодня, суббота, – участковый окончательно успокоился, доброжелательная манера Остапа сделала свое дело, да и далек на самом деле был оперативник от мысли, что участковый убил, изнасиловал и сжег прикормленного собой же человека.

– Жень, ты в понедельник зайди ко мне тогда, двести тринадцатый кабинет, хорошо? Надо допроситься, чтобы церковь у нас начала фигурировать, ну а так – спасибо тебе. Да,

ни в коем случае не бойся, руководству лучше пока не говори, тебя никто ни в чем не подозревает, я просто в группе по делу.

–Я тебя понял, зайду, но только после обеда, я в ночь.

–Принял.

Единственной ложью Остапа было то, что подозревать он привык всех и во всем, но ему крайне важно было успокоить молодого участкового, чтобы тот не побежал все докладывать непосредственному начальнику, тем самым не наломав дров, которые упали бы прямиком на голову Остапа. Через пять минут у оперативника был мобильный телефон отца Андрея. Он взглянул на часы – полдевятого вечера. Быстро же они наступили... Отрывать людей в такое «святое» время, как суббота, Остап не стал. По делу появилась хоть какая-то наработка, которая, если верить и строить предположения исходя из этой версии, как минимум, объясняла наличие свежевystиранного белья у убитой.

Он собрался домой, закрыл кабинет, оставив для проветривания форточку, после чего, не торопясь, пошел по коридору отдела, пропахшему притащенными за ночь бомжами и мигрантами, а также дешевым ремонтом.

Перегнав автомобиль к дому, остатки дня и выходных у Остапа не отличались особыми изысками. Пара бутылок виски, холостяцкая неказистая еда в виде пельменей, фильма, просмотра новостей и криминальных хроник. Он был сильно удивлен тому, что ни в огрызок, оставшийся от субботы,

ни в воскресенье, ни одна живая душа не захотела ему позвонить или написать, даже Марина, а он, несмотря на терпкий и горьковатый вкус одиночества, был этому счастлив. В воскресенье, уже около трех часов дня Остап отказался от употребления алкоголя, неделя предстояла трудная, и начинать ее с больной головы не хотелось совершенно.

В понедельник Остап без опозданий прибыл на работу, без проблем найдя место на небольшой парковке перед отделом полиции. Снег за выходные успел растаять, и газоны вокруг, представляли собой сырое грязное месиво, перемежающееся с жухлой травой, окурками и бытовым мусором, которые проходящие мимо жители Москвы не удосуживались доносить до баков, урн и контейнеров. Рассвет еще не наступил, и черное тяжелое небо гигантским скомканным листом бумаги затянуло свет. К отделу постепенно съезжались сотрудники полиции, группируясь небольшими кучками для перекуров перед традиционным для понедельника оперативным совещанием.

За что Остап любил оперативку в понедельник, так это за то, что на нем доводили положенное гражданско-правовое информирование. В отделе, с приходом подполковника Алешина, этому стали уделять куда большее внимание, в итоге доведение информации о взяточниках, подвигах, борьбе с терроризмом и самых резонансных преступлениях прошедшей недели, мировых новостях под эгидой «великолепной»

политики Российского МИДа затягивались на добрые час-полтора. Остап, сидящий фактически на галерке, зря времени не терял и предпочитал проводить его с пользой, а именно, проспать. В случае необходимости проснуться, его всегда одергивала Марина, сидящая по соседству.

Остап докурил сигарету и прошел в здание отдела полиции. Понедельник был традиционно суетливым днем, всюду сновали не выспавшиеся и не успевшие отдохнуть мужчины и женщины в полицейской форме. Требование ее одевать на оперативные совещания также являлось управленческим нововведением вновь назначенного Алешина. Остап поднялся в свой кабинет, и попав внутрь, закрыл дверь на ключ, переделся в форму (дурацкое все-таки требование), взял блокнот с ручкой и отправился на оперативное совещание.

Марина, чуть смущенная сидела на положенном месте, и тактично убрала ноги, пропуская его мимо себя. Остап проницательно взглянул на девушку, та исподлобья посмотрела в ответ:

–Привет, Чикаго, я себя плохо вела, да?

–Привет, да нет, подруга, ты вела себя отлично, и – начал было Остап.

–Плохо, Остап, а главное, – она с задумчивым видом уставилась мимо оперативника, – я ведь на этом не остановилась...

–Да ладно? – Остап широко улыбнулся, – Добро пожало-

вать в клуб!

–Какой?

–Анонимных алкогольвят, – Остап загадочно округлил глаза, произнося это слово.

–Фу таким быть, – Марина сморщилась, – Короче, Чикаго. Ты уехал, я спать легла (ну это-то я в курсе, подумал про себя Остап, а ведь вполне могла и не лечь), проснулась где-то в семь утра, нашла еще текилу, выпила ее, водой причем запивала, зачем-то музыку включила, причем «Максим», ты понимаешь? «Максим», – Марина уставилась на Остапа своими, казалось, полными отчаяния глазами...

–Я так привыкла жить одним тобой, одним тобой, – запел ей тихонько в ответ Остап, – Встречать рассвет...

–Тьфу, замолчи, – Марина выпучила глаза, поджав губы, а Остап откровенно заржал... – Так, соседи снизу прибежали, у них ребенок маленький, – Остап со смеха уткнул руки в ладони... – Говорят, вы что делаете, и я такая в мятом платье с размазанной косметикой, босиком, но зато с половиной бутылки текилы, бля, позорище...

Остап хотел ее подбодрить и рассказать какую-нибудь похожую историю про себя, нов этот момент в помещении гудящего десятками голосов актового зала, вошло руководство во главе с майором Алешиным.

–Ладно, потом, – Остап похлопал Марину ладонью по колену. Девушка смутилась, но ничего не сказала.

Следующий час прошел, как и ожидалось, великолепно, и

Остап лишь чудом не захрапев, проснулся лишь один раз, когда сотрудник кадровой службы, ответственный за государственное правовое информирование, еще раз сообщил скучную сводку, касающуюся жестокого убийства, произошедшего на территории отдела. Майор Алешин к середине государственного правового информирования покинул актовЫй зал, но спустя десять минут вновь заглянул в двери:

–Марков, Сомов, срочно ко мне!

Вновь засыпающий Остап не обратил бы на этот вызов, если бы не Марина, которая от души приложила его локтем в бок. Оперативник осатанело уставился на девушку, и глупо смотрел на нее, пока та не пересказала требование руководителя отдела. Максим Михайлович, пыхтя и спотыкаясь, уже услужливо семенил на зов руководства. Остап аккуратно двинулся следом, причина вызова на девяносто пять процентов, ему была известна.

Не удостоив взглядом секретаршу, скучающую перед компьютером, Остап и Максим Михайлович проследовали из приемной сразу в кабинет Алешина. Тот являл собой просторное помещение с большим, почти панорамным окном, странным образом, не вязавшимся с общей архитектурой здания (как и сам номенклатурный Алешин – с руководством этой клоакой). Посреди кабинета стоял большой прямоугольный лакированный стол для совещаний, к нему вплотную, образуя букву «Т» был приставлен стол самого

руководителя с небольшим ноутбуком марки «Яблоко» на своей поверхности. Было в кабинете несколько просторных шкафов, пара пальм в горшках. На подоконнике стояла пепельница (значит, не один я курю прямо в отделе, машинально отметил Остап). Алешин стоял возле своего стола был мрачен и даже слегка озадачен. Он машинально предложил Максиму Михайловичу и Остапу сесть, затем сел сам.

–Максим Михайлович, с сегодняшнего дня Остап Евгеньевич официально откомандирован для работы по убийству, – сбивчиво начал Алешин не то подтверждая данный факт, не то ставя его под сомнение.

–По пятничному? – старый бульдог, казалось, выглядел шокированным.

–Да соответствующий запрос, кхм-кхм, причем устный, поступил из Центрального аппарата Следственного комитета, руководство округа согласовало. Максим Михайлович, изымите материалы из производства Сомова...

–Так кому я передам Сергей Анатольевич? У людей и так по двадцать – двадцать пять материалов.

–Да я-то откуда знаю, передай Халитовой, все равно она ничего не делает, – Остап и Максим Михайлович одновременно помрачнели, а Алешин продолжил, – Остап Евгеньевич, что-то можете пояснить по данному поводу?

Остап начал вставать, но начальник движением пресек этот жест.

–Ну так получилось, что на место выезжал я, может, сле-

дователь оценил...

–А вы как бы и не в курсе? – вопрос руководителя отдела был скорее риторическим, и прозвучал не без доли холодной, как сталь ножа, иронии.

–Да оставьте вы у меня материалы-то, одно другому не мешает... – возмутился Остап (естественно мешает, но Марину было жалко).

–Максим Михайлович, изъять у Сомова материалы и передать Халитовой, это понятно?

–Может, между ребятами разбросать, не все же на нее? – Максим Михайлович развел руками, – ну человек работает, еще две линии ведет.

–Нееет, – протянул Алешин, от его показного спокойствия Остапа трясло, причем разумеется не от боязни, а от ярости, он представил, как ударом в челюсть сбивает руководителя под стол, но досчитал до трех, чтобы успокоиться. – Они же друзья у вас, вот Марина и поможет другу, прикроет, так сказать, спину, правда Остап Евгеньевич? («Люда – сука, она и это донесла», – мелькнула мысль в голове Остапа).

Остапу в начале разговора показалось, что руководство решение об откомандировании приняло, если не благо-склонно, то, по крайней мере спокойно, но сейчас желчь и яд брызгали в его направлении, заливая стены и пол, а в воздухе стоял, казалось, кислый запах. Остап сделал глубокий вздох, и до боли прикусил нижнюю губу, чтобы держать себя в руках и не терять связь с реальностью.

–Руководству виднее, Сергей Анатольевич, – голос прозвучал пусто и как-то жалко, к явному удовольствию Алешина. Максим Михайлович хранил гробовое молчание.

–Задачи ясны? – Алешин, как ни в чем не бывало, скрестив руки домиком, обратился к сидящим за столом офицерам.

Старый подполковник мрачно кивнул. Алешин продолжил.

–Остап Евгеньевич, если результатов не будет, вы понимаете, что мы будем вынуждены принять определенные управленческие решения? Ведь, по сути, мы освобождаем ВАС (прозвучало, как обращение брахмана к неприкасаемому парии) от остальных обязанностей в пользу одного материала. Кстати, сопровождения убойного отдела не будет по делу, так решил начальник Управления, назвались груздем, действуйте, – Алешин снисходительно улыбнулся.

–Есть, – глухо отозвался Остап.

–Разрешите идти, – соблюдая протокол, спросил Максим Михайлович.

–Да, работайте.

Максим Михайлович и Остап встали из-за стола и двинулись в сторону двери. Лишь выйдя из кабинета руководителя, Остап почувствовал, что непосредственный начальник придерживает его за локоть.

–Пойдем, Остап...

Остап, молча, последовал за немолодым коренастым опе-

ративником.

До сегодняшнего дня, ему фактически не приходилось общаться один на один с Алешиним. Да были оперативные со-вещания, да, там руководитель изредка задавал вопросы по нераскрытым преступлениям, да, несколько раз выдергивал к себе в кабинет, чтобы узнать судьбу какого-либо матери-ала, но именно такого общения тет-а-тет, до сегодняшнего дня у Остапа с Алешиним не было. И он действительно был в небольшом замешательстве от того, как может подавать се-бя и какую линию поведения в итоге может выбрать этот с виду боязливый человек.

Они, молча проследовали в кабинет Максима Михайло-вича, благо тот находился совсем рядом. Остап встал в две-рях:

–Мне б покурить, Максим Михайлович

–Да пошли, я с тобой подышу. – Максим Михайлович сам уже год, как не курил.

Они вышли на парковку перед отделом, вообще во дво-ре была своя курилка, в которой обсуждались сплетни и на-чальство, но идти к этому клубку змей у Остапа не было ни сил, ни желания. Они встали друг напротив друга, словно два уставших от жизни и постоянной травли волка, разница была лишь в росте и возрасте.

–Что скажешь, Остап? Ты знал, что тебя Большаков в группу хочет?

Остап глубоко затянулся сигаретой:

– Да, конечно, знал, Максим Михалыч, взял бы он меня без моей воли?

Старый оперативник невесело ухмыльнулся:

– Да этот взял бы, Остап, бульдог, а не человек, глыба, – забавно было слышать слова про «бульдога» от человека, внешне на него похожего, но Остап сдержал улыбку, да и с другой стороны, не до смешков ему сейчас было.

– Сталкивались?

– Дааа, пару раз, как говорят, от Бога – следак. Умный, грамотный, талантливый, сколько он всякой нечисти пересажал... – Максим Михайлович замолчал, как будто что-то вспоминая, а затем продолжил, – ну так, а чего не сказал-то?

– Да я только в субботу узнал, – машинально, но уверенно соврал Остап, – он мне ближе к вечеру позвонил и предложил, я, уж, не стал дергать в выходные.

– А, – глухо отозвался Максим Михайлович, – подвел ты нас, Остап, и так двух человек не хватает, еще сейчас и твое дерьмо кому-то подчищать придется.

– Да может не надо у меня ничего изымать, Максим Михайлович? Как-нибудь выведу, – Остап пристально посмотрел на своего начальника.

– Нет, Остап, тут дело политическое, он ведь проверит, изъял я у тебя материалы или нет, да еще и Марину будет трясти по всем твоим делам.

– А что он так взъелся-то?

–Ну ты ему, по-честному, никогда не нравился, слишком, как это сказать, пафосный, слишком самоуверенный, слишком самовлюбленный, слишком резкий, хм, не знаю, мне кажется в тебе есть все качества, которые бы он хотел видеть в себе, но он их не видит, его это и злит.

–В смысле?

–В смысле, может он тоже хочет шляпу носить и девок соблазнять, вот только все люди разные, и у него таких черт характера или качеств нет. До поры у него не было поводов тебя нагнуть, а сейчас появился. Кроме того, насколько я понимаю, решение было принято без его воли, тебя на его месте такой расклад порадовал бы? – подполковник замолчал, а затем буркнул, – ну только это между нами, хорошо?

Остап кивнул, а затем выдавил:

–А Марина?

–На Марину я думаю, Люда капает, надо же ей за счет кого-то результат показывать, вот она и пытается на чужом горбу в рай уехать, что Марина, мол ни хера не делает, а я вся такая в трудах и заботах.

–В трусах и колготах, – передразнил Остап начальника и достал вторую сигарету, – А ведь и вправду на нее похоже. Так, Марину-то как-то защитить от нее бы надо.

–Остап, вот ты умный парень, но такой еще дурак, – старый оперативник поморщился, – ты же вроде помоложе, тебе управление персоналом не преподавали что ли? Менеджеры-хуенеджеры.

–Нет, – честно ответил Остап.

–Ну тогда и не загоняйся, просто есть такие процессы внутри коллектива, в которые лучше не лезть до поры до времени. Я ее прижму, она стуканет Алешину, и в итоге хуже будет всем, вот уж когда она начнет окончательно хренеть...

–Так вы Халитовой серьезно все мое добро распишите? – перебил Остап непосредственного начальника.

–Да нет конечно, вернее формально-то да, сам буду закрывать, а ей подсовывать подписывать, она ж и так, не поднимая головы, пашет, ей еще сейчас твои материалы, вообще вздернется, а хуже если уволится, – Максим Михайлович, как показалось не заметил абсурдности своей фразы и продолжил, – А ты чего ей так интересуешься-то?

–Да жалко просто, Максим Михалыч, – Остап ответил чересчур быстро, и от этого смутился еще больше.

Старый оперативник пристально посмотрел на Остапа:

–Ладно, пойдем в отдел, дурень. Надо совещание собрать, всем объявить, что ты нас временно покидаешь, – руководитель немного подумал, – а даст Бог, так и совсем...

–Вы настолько меня ненавидите?

–Да, я наоборот о тебе думаю, Остап, не твой далеко это потолок, краденые сумки искать, тесно тебе здесь, а так, может проявишь себя, чего и получится, повыше прыгнуть, хоть в Управление, а то и вообще в МУР или департамент, Большаков – мужик с большими связями, – на этих словах Максим Михайлович неопределенно поднял палец куда-то к

дождливым серым небесам.

—А совещание-то зачем?

—Чтоб никто не говорил, что мы с тобой тихушничаем, стараниями Алешина и Оли, я думаю, и так весь отдел знает, что ты откомандирован, надо сообщить официально, чтоб хоть ненависть к тебе не плодить.

Остап кивнул, и мужчины не торопясь направились в сутливое, но теплое здание отдела.

Следующий час казался Остапу горячечным бредом. Во-первых, в своем воспаленном воображении, он каждую минуту ловил на себе оценивающие и, в основном, недоброжелательные взгляды своих коллег. В их зрачках читались презрение, неприязнь, холодное злорадство. Выражения их глаз молчаливо швыряли в него едкими фразами: «Выскачка... предатель... неблагодарный... карьерист... еще приползешь на коленях».

Когда он увольнялся с предыдущего места работы, он чувствовал примерно тоже самое, но сегодня все воспринималось в разы острее. Он сходил с ума от бездействия, от невозможности выяснить свои опасения точно, от корпоративной этики из-за которой, он не мог схватить кого-нибудь за шкуру и выяснить все по-мужски. В висках стучал проезжающий в лабиринтах мозга железнодорожный состав, ужасно болела голова, хотелось выпить. Казалось бы, да плевать на них на всех, но злость, обида, ненависть ежесекундно подта-

чивали камень спокойствия.

Далее было совещание, на котором он ощущал выжимку того, что чувствовал последний час. Он не слышал, что говорит Максим Михайлович, он раненым волком метался взглядом от коллеги к коллеге, пытаюсь найти хоть какую-то поддержку, но Ольга смотрела – с неприкрытым ехидным интересом, одинаковые Антон и Михаил – безразлично, Олег – с неприязнью, а Максим – и вовсе враждебно. Поймать взгляд Марины у Остапа не получилось, девушка была в шоке от неожиданно упавшего на нее объема работы, ведь все до одной бумаги Остапа, должны были быть переданы ей, и смотрела в пустоту перед собой. Ему было гадко, она была его другом, а получалось, что его командировка вышла боком именно ей. По окончании совещания, его коллеги стали постепенно расходиться, Ольга до последнего пыталась навязать Максиму Михайловичу какую-то рабочую беседу, чтобы иметь причину остаться в кабинете, но тот отрезал все ее попытки, велел уйти через двадцать минут.

–Ну что, делай акт передачи на Халитову, и относи, что-то на тебе лица нет, Остап...

–Да не пойму, толи хочется сдохнуть, толи напиться.

–Да, пройдет, такие вещи коллектив всегда тяжело переживает, но они привыкнут, а с Мариной я переговорю, и ты переговори, мы ее в обиду не дадим.

Остап вымученно улыбнулся.

Со всего оперативного состава отдельный кабинет был

только у Максима Михайловича, Остапа и Марины, но если кабинеты мужчин, были хотя бы на оные похожи, то помещение, которое занимала молодая женщина более походило на архив, коим по сути и являлось. Было удивительно, как эта девушка сумела упорядочить весь рабочий процесс данного кабинета. Несмотря на обилие папок, дел, картотек, бумаг, распечаток и пыли, все (включая, казалось, и пыль) лежало на своих местах. Марина в этом царстве ориентировалась, как рыба в воде, и на поиск любой информации у нее не уходило больше тридцати секунд реального времени. Как бы не радела Ольга за то, что Марина не выполняет свои обязанности, небольшой архив темноволосой оперативницы по определению не мог вызывать нареканий хоть у кого-нибудь, хоть и формировался ей с нуля.

Сейчас девушка сидела с огромной кружкой растворимого кофе за своим столом посреди железных шкафов и сейфов, отчего казалась еще более маленькой и незащищенной.

–Я знала, что ты придешь, Чикаго, – ее слова прозвучали грустно, девушка поставила кружку с изображением Чипа и Дейла (подарок Остапа, единственная кружка во всем магазине, на которой имелось изображение шляпы, в которую был одет Чип) на какое-то старое и, видимо, ненужное объяснение.

–Марин...

–Остап, да я понимаю, что ты тут вообще не при чем, но просто, блин, – девушка замолчала, – почему я? Зачем так

издеваться?

–Марин, там передача формальная, мы с МММ все будем сами закрывать, просто от твоего имени.

–Да тут вопрос-то не в том, кто будет закрывать, вопрос – почему? Я, наверное, заявление напишу, – девушка направила на Остапа бездонный радар своих серых глаз, – заебало!

Оперативник глубоко вздохнул, а затем продолжил:

–Марин, как бы то ни было, я тебя поддержу и пойму.

–Пойдем покурим, – девушка выглядела так, будто вот-вот расплачется.

Они вышли к парковке отдела, Марина накинула на плечи куртку, Остап предпочел выйти в кителе, который так и не передел после утреннего совещания. Мужчина мысленно подумал, что окно кабинета Алешина, как раз выходит на парковку, и он, вероятно, уже заметил часто курящего оперативника, но прогнал от себя параноидальные мысли, кроме того, мнение руководителя отдела именно сейчас ему было безразлично.

Марина курила на удивление крепкие «Parliament Night Blue», чем всегда удивляла Остапа. Некоторое время они стояли молча, затем девушка вздохнула и начала разговор вновь:

–Посмотрю еще недельку, как пойдет, и уволюсь...

–Уверена? – Остап посмотрел в серые печальные озера ее глаз.

–Да нет, конечно, ты, вот, Чикаго, сам посуди, – девуш-

ка выпустила огромный клуб дыма в холодный воздух, – Я сразу после академии пришла работать сюда, ну полгода в ПДН²⁵, да, потом оперативная должность. Причем, хрен мне предложили линию Ольки, а она ведь куда ближе чем ей, но это ладно... (глубокая заятжка) И вот мне с двадцати одного года ломают психику переработками, дежурствами и постоянными упреками о том, как я все плохо делаю, до этого, кстати, еще пять лет Академии МВД с постоянными нарядами, недосыпами и курсовыми работами после тех же нарядов. Я все понимаю, тяготы и лишения²⁶, бла-бла-бла, злит не это, и дело даже не в том, что можно сидеть на подсосе у начальства и иметь при этом человеческую нагрузку и нормальные премии, ты понимаешь? Злит то, – девушка сплюнула на мокрый асфальт, казалось, внимательно слушавший ее монолог, – что я, кроме этой вонючей оперативной работы не умею больше ничего, от слова совсем. Вот уволюсь я, хорошо. Кому я буду нужна? Куда я устроюсь, дай бог, если папа пробьет должность каким-нибудь клерком в Префектуре или НИИ²⁷, а если нет? У меня не то чтобы мужа, парня

²⁵ Отделение ПДН – занимается правонарушениями и преступлениями, которые совершают несовершеннолетние. Контроль, постановка на учет неблагополучных семей, комиссии по делам несовершеннолетних, лекции в школах. Работа – далеко не сахар.

²⁶ Тяготы и лишения – вырванная из контекста фраза из Дисциплинарного Устава военнослужащих СССР. «Стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы» (глава 1, пункт 3).

²⁷ НИИ – научно-исследовательский институт

нет! Кто меня будет обеспечивать? Папа, который еле до работы ходит от грыж межпозвоночных или мама на должности библиотекаря? Пиздец, Остап, меня это просто гнетет, я не знаю, что делать... Я, как поплавок барахтаюсь на поверхности пруда, и не могу ни нырнуть, ни взлететь, а просто плаваю на поверхности, как... ты понял. У меня высшее юридическое образование, казалось бы, круто, да, красный диплом, окей? Ага, но юридического стажа у меня – ноль, ибо в этом болоте он не засчитывается, и не могу я быть юристом не поэтому, а потому что я не знаю никакой юриспруденции, я могу только, как попугай запросы делать в morgi и областные управления, трупы описывать, всяких алкашей под статью подводить в объяснениях, в прокуратуре делать щенячьи глаза, чтобы за материалы не трахали, дела шить не хуже типографии, а выхлоп какой от этого всего? – Ноль, без палочки! Ни говна, ни ложки! – девушка закончила, Остап прекрасно видел, что ее глаза полны слез, и она нуждается в его поддержке, но ничего вразумительного ответить на ее слова, к своему великому сожалению, оперативник не мог. Марина была права.

– Ну, может, помощником адвоката, поднаберешься опыта, и...

– Опять же нюанс, здесь, я, как бы, – Марина изобразила пальцами рук «кавычки», – «важный человек», и по мне, идти работать на «побегушки» к тем, кто находится на другой стороне – унизительно. Белый флаг... Я уж лучше на па-

перть...

Когда Остап вернулся в кабинет времени было всего половина одиннадцатого, хотя ему казалось, что прошла вечность. Он проводил Марину до ее рабочего места, к слову сказать, выговорившись, девушка немного успокоилась, и они совместно решили, что следует подождать какое-то время, а уже потом увольняться.

Еще около получаса Остап потратил на пересчет всех своих материалов, после чего подготовил рапорт и отнес макулатуру на подпись МММ.

Наконец, Остап приступил к работе над делом об убийстве Япуряну. Он созвонился со священником, телефон которого ему ранее дал участковый Евгений Ефремов и договорился с тем о встрече в обеденное время, после чего решил связаться с руководителем вновь созданной следственно-оперативной группы Всеволодом Ивановичем. Тот казался был рад слышать Остапа.

—О, Остап Евгеньевич, как ваши дела? Как вас отпустили?

Осадок сегодняшнего дня был велик, но он сдержался. В конце концов, это было его личное дело.

—Да нормально... Тихо и спокойно. Всеволод Иванович, а куда и когда дело Вам завести?

—Давай вечером, Остап, я сейчас все равно в Департаменте, ищу совпадения с нашим сожжением, потом в прокурату-

туру совещаться, ты мне там тоже не нужен, а вот вечером, надо бы пересечься, может даже по кружечке пенного выпить, кое-что обсудить...

–Конечно, без проблем, – почти семейный тон пожилого следователя, умиротворял, – а помимо меня кто еще в группе?

–Да ты знаешь, пока никого, начнем вдвоем, как только что-то наработаем, возможно, кого-то подключим.

–А мне сказали, что наше Управление отказалось сопровождать дело... – вставил свою ремарку Остап, но следователь на другом конце провода лишь хрипловато рассмеялся.

–Да в телефонном разговоре, они не были столь смелы, это я им сказал, что они пока не нужны, а не они отказались, – Остап почувствовал, что следователь улыбается, а самого оперативника изнутри щекотало злорадное ехидство осознания того, что при необходимости и желании, начальника Управления Большаков попросту размажет по стенке, не говоря уже об Алешине. Следователь продолжил:

–У тебя какие планы? Есть вообще новости?

–Да, образцы следов медики, пожарные обещали предоставить, поеду забирать, тут все не далеко, хотя есть ли смысл?

–Да скорее всего нет, – согласился следователь, – но перестраховка не повредит.

–Запрос по хозяину гаража я сделал, адрес из базы данных есть, съезжу, плюс, установлено, что наша девочка ходила в

церковь, смотаюсь пообщаюсь еще туда.

–Неплохо...

–Людей опрашивать сразу под допрос или всех к вам?

–Конечно под допрос, если кто-то понадобится, я вызову дополнительно, примерный опросник я тебе завтра-послезавтра накидаю. А поручение о производстве следственных действий, это уже моя забота.

На этом они попрощались, впервые за долгое долгое время у него возникло мимолетное ощущение, что он занимается чем-то по-настоящему, важным, и желание поймать поджигателя возросло стократ.

Черт пребывал в странном унынии, обычно ненавистная работа, находясь на которой он был вынужден изображать закон и порядок, прогуливаясь среди толпы людей, сегодня наоборот убаюкивала. Было отвратительно на душе, он чуть не попался в один и тот же капкан дважды, а вернее даже трижды, и только чудо и сгустившаяся тьма спасли его от верной гибели. Черт понимал, что, если его настигнут охотники, дни его будут сочтены по той же самой причине, по которой волк гибнет в неволе, окруженный псовой сворой. По крайней мере так он рассуждал, однако, прекрасно отдавал себе отчет, что пресловутые псы за совершенные им дела, считающиеся здесь преступлениями, будут терзать его душу

и тело годами, не давая принять смерть. От этого чувства, по телу от плеч до бедер пробежали мурашки.

Черт прекрасно чувствовал опасность, она терзала и угнетала его, вызывая приступы панического страха. Ему вновь и вновь снилось, как на пороге его дома появлялись охотники. После таких безрадостных сновидений он просыпался в холодном поту и не мог уснуть часами. Одежда липла к телу, вызывая зуд и панику. Эти терзания были обратной стороной медали того состояния, когда он выпускал своих скелетов из шкафа на волю, и эти эмоции стоили любого страха.

Черт неоднократно обдумывал план действий на случай своей поимки, и в конце концов нашел выход. Его чаяния и надежды были скрыты в шести маленьких ампулах с ядом, всегда лежащих в его одежде. Он перечитал про различные отравы тонны литературы, но проблема заключалась в том, что найти чистый стрихнин или цианистый калий даже в Москве было проблематично, причем даже в случае его находки, качество так и осталось бы для Черта загадкой. Как говорится, пока не попробуешь – не узнаешь. А вдруг ему подсунут пустышку, и яд не убьет его, а лишь вызовет кровавый кашель и нанесет травму желудку. Конечно, можно было опробовать купленную отраву на ком-то другом, например, на коллегах по работе, но Черт нашел вариант лучше. В молодости, он некоторое время баловался героином и в вопросе качества данного наркотического средства разбирался прекрасно. Несмотря на то, что скучная молодость была

позади, изредка, а особенно, как выяснилось, после охоты, Черт любил пустить наркотик внутрь себя, он будоражил его, ему казалось, что внутри тела в такие моменты входит вся земная энергия, образуя внутри симбиоз с его кровью и духом. В шести же пилюлях, которые Черт носил с собой, содержалось около трех граммов высококачественного героина, который неминуемо убил бы его при необходимости, хоть и не моментально.

Черт не имел зависимости к наркотику, и это воодушевляло, ведь ему удавалось обуздать не только огонь и жажду жизни добычи, но даже дьявольское искушение.

Проходя мимо людей, он почти бессознательно подыскивал новый объект своего желания. Его, по непонятной причине, привлекали невзрачные женщины тридцати пяти – сорока лет, худощавого телосложения, остальное было важно, но лишь до определенной степени.

Почему ему нравился именно этот типаж, Черт догадывался, и именно сегодня, на него неожиданно нахлынули воспоминания.

– Тварь, – взывала тетка, запуская в него ковшом...

Маленькая испуганная тварь с белесыми глазами чудом увернулась, а железная посуда, ударившись, в стену отбила кусок штукатурки. Глаза тетки расширились от ярости,

зрачки завращались в залитых кровью глазных яблоках, и та заорала, странным образом, переходя не то на клекот, не то на визг:

– Нина! Нина! Ты посмотри, что твой ублюдок натворил!

Тварь, представлявшая собой мальчишку с пухлой почти женской фигуркой, ринулась бежать, успев прошмыгнуть мимо ненавистного чудовища в выцветшем халате, и шмыгнула в сени, мимо застывшей серым призраком своей матери, видимо, собиравшейся двинуться на крик, но не осмелившейся это сделать.

Мальчишка обогнул угол дома, и побежал в глубину сада, в направлении оврага, с каждым годом немой бедой все ближе подступающего к фундаменту ветхого сарая, стоявшего в огороде. Там, тварь прошмыгнула в дыру в заборе и спряталась в специально оборудованном шалаше, в котором и проводила редкие спасительные часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.